

ОКРУЖЕНОЕЦ

Затерянный в 1941-м

В Вихре
ВРЕМЁН

Вадим МЕЛЬНЮШКИН

В вихре времен

Вадим Мельнюшкин

Окруженец. Затерянный в 1941-м

«Махров»

2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельнюшкин В.

Окруженец. Затерянный в 1941-м / В. Мельнюшкин —
«Махров», 2013 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-699-97318-7

Провалившись из нашего времени в 1941 год, он поначалу хотел лишь вернуться назад в будущее – пока не увидел собственными глазами, что творят гитлеровские оккупанты на советской земле. Оказавшись в глубоком тылу Вермахта без надежды прорваться к своим, он собирает из таких же окруженцев боевой отряд, чтобы мстить карателям и полициям. Смогут ли мстители стать кристаллизатором местного сопротивления, первой искрой общенародной Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков? Выстоят ли партизаны против эсэсовских зондеркоманд? Удастся ли «попаданцу» изменить ход истории, перерезав вражеские коммуникации в решающий момент немецкого наступления на Москву?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97318-7

© Мельнюшкин В., 2013
© Махров, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Мельнюшкин

Окруженец. Затерянный в 1941-м

*Ты должен делать добро из зла, потому что его больше не из чего
делать.*

Роберт Пенн Уоррен, непрогрессивный американский писатель

Нас мало, нас адски мало...

Андрей Вознесенский, хороший русский поэт

Пролог

Человек, лежащий среди деревьев, не был ни снайпером, ни большим мастером маскировки. Он вообще мало разбирался в военном деле, даже оружие, которое он мог использовать, не было по-настоящему боевым. Хорошим охотником был, а вот в людей стрелять не приходилось. Есть надежда, что и сегодня не придется. Телефон звякнул два раза и умолк. Вот же организация, даже средства связи – сотовые телефоны. А все спешка.

Ладно, секунд через тридцать объект будет здесь. За спиной заурчал двигатель грузовика, тот выкатился на дорогу и, тяжело разгоняясь, двинулся в сторону города. Синий «Фольксваген» в широкоугольном ракурсе был виден хорошо, позицию стрелок выбрал так, что не надо делать никаких упреждений – машина последние пятьдесят метров перед выстрелом будет идти прямо на него. Вот на краю зрения показался борт двигающегося навстречу цели грузовика. Еще несколько секунд, и все произойдет, тогда ему либо придется стать убийцей, либо кривая вывезет.

Грузовик резко принял влево. Водитель «Фольксвагена» в отчаянной попытке уйти от столкновения бросил машину на обочину, но это ему не помогло – встречный удар в левое крыло отбросил автомобиль в кювет, куда тут же влетел грузовик, окончательно смяв кузов легковушки. Да, после такого не живут.

Человек облегченно вздохнул, отсоединил магазин от «сайги», передернул затвор, на лету поймал кувыркающийся патрон, убрал карабин в сумку и споро покинул место лежки. Опять повезло – и в этот раз обошлось без него. Теперь только убрать сумку в багажник и быстро смыться, не думая о том, кто был его целью. Интересно, а есть ли «тот свет», а если есть, то что там может быть?

Глава 1

Сознание вернулось. К этому бы еще хоть тело, какое-никакое. Хотя что я знаю о телах и какие они бывают. Впрочем, что такое сознание, я тоже представляю с трудом. Теперь следующий вопрос – кто я? Ау, кто-нибудь ответит? Похоже, желающих нет. А жаль, было бы лучше или по крайней мере проще. Давно я так не попадал! Ага, очередные вопросы – насколько давно и как это ТАК? А вот не помню, но ТАК давно!

Отдохну немного, точнее, отвлекусь. Что я помню о прошлом? И что такое прошлое, настоящее и будущее заодно? Это что-то из концепции времени. Как много я всего знаю все-таки. Хуже, что не понимаю. Так что насчет прошлого? Ничего, какие-то обрывки крутятся, мозаика сплошная, причем я точно не уверен, что это прошлое, а не будущее, например.

Так, что мы имеем теперь? Мир, наполненный биологической жизнью, причем наполненный очень неплохо, скажем даже, хорошо наполненный, прямо под завязку. По крайней мере я видел и хуже. Даже не буду спрашивать себя, где видел, так как ответ очевиден – не помню. Что делать дальше? Ну же... Ага, всплыло. Надо найти наиболее развитую или просто развитую, вот интересно насколько, форму жизни и произвести Слияние. Здорово, Слияние, значит, произвести, кто бы мне еще сказал, что это такое. Ну да ладно, начнем по порядку, а именно с поиска формы, знать бы, как она еще выглядит.

Что-что? Погоди, мысль, ну-ка вернись обратно. Что значит время ограничено? Кем и на сколько? Вот ведь чтоб тебя... Ограничено типа, и все! По-любому спешить придется. Ау, высокоорганизованные формы жизни, отзовитесь, сливаться будем. Ага, отозвались, как же, жди больше. Нет, смотри-ка, и правда отозвались – звуки какие-то нехарактерные, резкие и отрывистые, чем-то даже неприятные. Надо отправляться в ту сторону, вот только как? Местные формы фауны имеют специальные органы, с помощью которых могут передвигаться по поверхностям или вне их, отталкиваясь прямо от газообразных атмосферных масс, а у меня ничего этого нет. Может, надо попробовать просто захотеть переместиться в нужном направлении? Получилось! Перемещаюсь, хоть и не быстро, местные атмосферные отталкиватели делают это гораздо шустрее. Зато я двигаюсь исключительно по прямой, проходя прямо через крупные объекты флоры, при этом даже появляются какие-то ощущения, ассоциирующиеся почему-то с пресловутым Слиянием. Похоже, это Слияние не будет большой проблемой.

А это еще что? Странный объект фауны – крупный и в отличие от других на его поверхности находятся небиологические, по крайней мере неживые, объекты, покрывающие всю поверхность организма. Да и форма у него хоть и похожа на форму других представителей местной фауны, но какая-то слишком специфическая. Нельзя сказать что необычная, но явно не функциональная для данного набора местных биологических объектов. К тому же, похоже, он поврежден, так как один из сегментов, тот, что единственный из открытых, явно сильно разрушен, а светлая растительность на нем залита некой субстанцией, поступающей изнутри тела. Вероятно, существо скоро перейдет в разряд неживых объектов. Приблизюсь еще немного. Странное ощущение – меня к нему тянет почти физически. Похоже, начинается то самое Слияние. А оно мне надо? Сейчас я с ним сольюсь, и мы вместе прекратим существование. Ах, вот в чем дело, мое время тоже, оказывается, на исходе, и, похоже, это мой единственный шанс – либо мы прекращаем существование по одному, либо выживаем вместе, и нас не спрашивают...

* * *

Как же болит голова... Впрочем, сам виновен, ибо идиот. Что такое идиот, я уже знаю – это я, потому как по какой бы причине я здесь ни оказался, то так мне, идиоту, и надо. Ну и мир же здесь – сборище идиотов, кретинов, дебилов и прочих придурков, среди которых мне самое место. И тело мне досталось олигофрена, причем это не уничижительная характеристика, потому что по сравнению с прочими долбодятлами, судя по отрывочным воспоминаниям бывшего владельца, мне еще повезло.

Похоже, олигофрены здесь самый приспособленный вид, остальные распределяются по шкале от «херово» до «очень херово», ну и есть еще «совсем херово», но такие просто долго не живут. Как же от меня воняет! Как будто месяц не мылся и спал в лесу под елками. А это тело так себя последний месяц и вело.

Это же надо додуматься: «Дать отпор агрессору». Угу, с трехлинейкой и двенадцатью патронами, снятыми с убитого пограничника, по которому танк проехал и, наверное, даже не заметил. И чего у него ума не хватило примкнуть штык, догнать этот танк и заколоть. Либо штык не нашел, либо танк обогнать не мог, потому как колоть «в спину» бывший владелец этого тела считал подлостью. Подлостью, блин! А вот если спереди... со штыком... на танк... это героизм! Комсомол, мать его! Передовой отряд молодежи, мать их!

И судя по отрывкам, что крутятся в башке, они тут все такие! Надо выбираться. Срочно! А то сейчас меня торкнет, и побегу танк догонять. Надеюсь, у меня хватит силы воли сзади его колоть и «не перестать себя уважать после этого»! В одном повезло – пуля, ударившая бывшего владельца по наполненной бредом и лозунгами голове, очень удачно ампутировала его личность, но при этом не очень сильно задела области памяти, а регенерационные возможности организма, подхлестнутые процессом слияния, дали мне шанс выжить в этом теле. А шрам на затылке и головная боль – это уже фигня. И это пройдет, как говаривал местный мифический персонаж или почитывал периодически для релаксации.

А еще хочется жрать. Организм и до ранения был истощен, а уж сколько исцеление из него вытянуло, подумать страшно. Почему я сейчас сижу на пне и раскачиваюсь, держась за большую голову, а не валяюсь в отключке, медленно умирая от голода, это есть тайна, покрытая мраком. Нет, все-таки олигофрены – это передовой отряд кретинов и самый подготовленный в физическом и интеллектуальном плане.

Надо идти искать жратву, а иначе сдохну. Где-то здесь должна винтовка валяться, а точнее, что от нее осталось. Патроны кончились третьего дня, когда я, тьфу ты, он – Константин Шеин, двадцати одного года, член ВЛКСМ и прочее, решил обстрелять немецкую колонну. И ведь ни в кого наверняка не попал, стрелок Ворошиловский, а когда удирал как заяц, еще и пулю словил магазинной коробкой. Тогда придурку повезло, сегодня везение кончилось. Пытался добраться до деревни, где можно достать хоть какой-нибудь еды, и не придумал ничего лучше, как пойти по дороге, дабы не заблудиться, ну и тащиться по лесу сил больше не было. Болота кругом. Вот и прозевал мотоцикл с тремя немцами, которые ехали, вероятно, туда же и с той же целью. Похоже, те не хотели делиться и решили перманентно устранить конкурента.

Судя по солнцу, прошло уже часа четыре с того момента, а значит, немцев в деревне, наверно, уже нет. Придется рискнуть. Может, лучше не стоит винтарь брать, не было бы его, может, и немцы не стали бы сразу стрелять. Ну, загребли бы в лагерь, потом ведь все равно отпустят, а там хоть бы пожрал. Косте даже в голову такое не приходило, ага, как же – сдать врагу. Лучше бы с голоду помер. Надо же так головы людям промыть! Это что-то с чем-то! Все решено – иду в деревню или ползу, что в моем состоянии ближе к истине. А винтовку и правда не возьму – ну ее, пусть отдыхает, отвоевалась. И Костя отвоевался. Ибо нех!

Идти все равно пришлось по дороге, потому как забрести сейчас в болото – смерти подобно. Ноги буквально цеплялись друг за друга. За неполные полчаса трижды целовался с этой, можно сказать, трассой жизни, которую Константин назвал бы приличным словом, а нормальное разумное существо – горой неприличных. Не похоже, что в этом мире, по крайней мере в этой ее части, существуют по-настоящему разумные существа – те бы до такого состояния транспортную систему не довели. Хотя, судя по трофейным воспоминаниям, скоро здесь будет орднунг однако, все как у людей, то есть почти как у разумных существ.

Наконец лес расступился, и взору усталого путника предстал населенный пункт, то бишь нечто, находящееся на стыке времен между каменным веком и бронзовым. Примерно. Как и ожидалось, впрочем. Стены прямоугольных коробок сложены из минимально обработанных древесных стволов, только кора ободрана. Мелкие постройки выглядят еще более убого даже издали. А чего хотел? В памяти Кости, хоть жителя и городского, есть и воспоминания о летнем отдыхе в деревне. Ну, там поливка огорода ведрами из реки, сенокос, ночное, грудастые селянки, попискивающие в стогу. Вот только мне сейчас до селянок огромная нужда... Хлеба бы, а мясо – это вообще мечта несбыточная. Но переться напрямую, как бы ни хотелось, глупость будет невероятная. Попроюсь-ка я вот там поправее вдоль опушки, а затем прикроюсь полосой, выделяющейся на выгоревшей от солнца поляне, сочным зеленым цветом. Похоже, там либо ручеек, либо сырая канава тянется от леса до крайних деревенских заборов. Так оно понадежнее будет.

Канава и правда была. Скорее не сырая, а просто влажная и не очень глубокая, так что пришлось проползти около двухсот метров, что никак не сказалось ни на пиджаке, ни на брюках, потому как хуже уже было некуда. Представил, какотреагируют аппетитные во всех смыслах селянки на измазанное в грязи, да и залитое подсохшей кровью шатающееся на ходу существо, и не позавидовал. Им ли, себе ли... Никому, короче. Хотя... Память услужливо подсказала, что особи хомо сапиенс женского пола, существа хоть и робкие, но жалостливые, так что если сразу в обморок не упадут, то и накормят, и обогреют. Вот с мужскими особями могут быть проблемы, но скорее и они убогого бить не будут, а вот половинам своим жалость в крупных размерах проявлять не дадут. Но тут уж не до жиру, главное в ошип не попасть. Перелезть через забор сил не было, но, на счастье, среди лопухов нашелся подкоп. То ли какие домашние животные его сделали, чтобы наведываться на охоту в лес, то ли совсем наоборот – дикие в деревню с той же целью, принципиального значения не имело. Главное, зверь был не мелкий, потому и новоприобретенное тело, хоть и здорово исхудавшее, но достаточно крупное для данной популяции, пролезло вполне удачно, даже клоков одежды на досках не осталось. Вот и ладушки, теперь тихо и осторожно ползем до ближайшего сарайчика, может, прямо там на что съестное удастся наткнуться. Ну вот, наткнулся! Похоже, это и есть хозяин того лаза, что так удачно подвернулся. Нет, теоретически, конечно, псину есть вполне можно, тем более что животное умерло недавно, даже кровь, натекая из раны, свернуться не успела. Но как-то это не комильфо. Странное, кстати, слово – что оно примерно означает, представляю, но из чьей памяти вылезло, понять не могу. По крайней мере ни я, ни Константин точного его значения не знаем. И это уже не в первый раз. Но это я отвлекся.

Не нравится мне эта убитая собака, особенно после того, как я труп слегка поворочал. Судя по ранению, ее тупо застрелили, причем из нарезного оружия – был бы гладкоствол, ранения были бы либо множественные, либо входное другой формы. О как, оказывается, я много об оружии знаю, спасибо сержанту на курсах, где я значок Ворошиловского стрелка получил. Но это все лирика. Вернемся к нашим собакам. Вряд ли хозяин будет своего пса во дворе убивать, а уж то, что соседу такое спустит, тем более невероятно – тут бы сейчас такой хай стоял. Значит, кто-то чужой, кого хозяин если не боится, то опасается, и с точностью до третьего знака я могу указать на такого стрелка. Не конкретно, конечно, но его принадлежность к соответствующей армии запросто. Вероятность, что красноармейцы в тылу вермахта

занились отстрелом собак, причем именно во множественном числе, пренебрежительно мала. А то, что собак постреляли во всей деревне, уверен, хотя не удивлюсь, если парочка самых умных или самых трусливых уцелела. Теперь я понял свое нежелание идти в деревню напрямик – собак я не услышал. Не то чтобы они должны постоянно брехать, но взлаивать время от времени вроде не прочь. А тут тишина. Не к добру это. А это что? Топот какой-то на улице. Скрипнула калитка в соседнем дворе, топот прекратился, сменившись каким-то невнятным шумом и негромкими вскриками. Нет, не стоит соваться не в свое дело – это мозги так думают, а ноги несут думательный орган к невысокому заборчику, разделяющему два двора. Родственники здесь, что ли, живут или у соседей неприлично не оставлять проем для прохода, но чтобы лезть через ограду не пришлось.

Соседнее подворье хоть и не как две капли, но было похоже на предыдущее, только вместо мертвой собаки здесь обитали живые куры, пасущиеся под присмотром огромного белоснежного петуха. Шум раздавался из-за угла то ли сарая, то ли овина, черт их разберет, стоящего по левую руку. Стараясь не шуметь, почти на цыпочках, подбираюсь к углу и, присев на корточки, выглядываю. Почему на корточки, сам не понимаю, но догадываюсь, что так у меня больше шансов остаться незамеченным. Человек мало замечает то, что низкое и маленькое, по крайней мере меньше опасается, потому и следит за этой областью меньше, а здесь еще и куры всякие бегают. Картина нерадостная, да что там – крайне препоганая картина. Немец, ну а кто тут в серой форме еще может быть, прижал к стене девочку лет шестнадцати-семнадцати и остервенело рвал на ней одежду. Та почему-то не кричала, а молча отбивалась, что получалось у нее не слишком хорошо. Понимая это, она, видно, решила дать насильнику более жесткий отпор и вцепилась ему ногтями в щеку, которая тут же украсилась тремя багровыми полосами. Солдат отшатнулся, воскликнул что-то неразборчивое и с размаху ударил девушку кулаком в лицо. Обмякнув, жертва начала сползать по стене, но немец схватил ее за волосы и начал бить головой об стену. Как сорвался с места и бросился вперед, даже не понял, не хотел же ни во что вмешиваться.

– Ты, сволочь, оставь ее!

Отпустив девушку, солдат резко развернулся в мою сторону. Ну и что теперь делать, морду ему бить? Бешеными глазами садиста немец посмотрел на меня, затем под ноги, наверняка разыскивая свою винтовку, которая, вероятно, будучи прислоненной к стене, теперь лежала под обмякшим телом, прорычал что-то, выдернул из ножен штык и шагнул ко мне. Не понравились не только его глаза, но и ощерившийся рот, из угла которого стекала слюна, и запах сивухи, даже на расстоянии метра бьющий в лицо. Ну все, кажись, добегался! Этот бешеный пес сейчас меня зарежет и продолжит терзать девочку. Все инстинкты и тела, и разума вопили, что надо бежать, но я продолжал стоять на подрагивающих от слабости ногах и ждать продолжения. Немец сделал еще шаг и ударил снизу вверх, наверное, желая разодрать меня от живота до подбородка, в сумасшедших глазах я увидел предвкушение. Чьи инстинкты меня спасли, не знаю, но тело дернулось вбок, пропуская клинок, левая рука перехватила кисть психа, доворот, и враг прижат к стене... Правая рука перехватывает штык, выпадающий из вывернутой конечности, и наносит удар рукоятью в основание черепа.

Какая же вонь! Это он чего – со страха? Только что напряженное тело врага расслабилось, становясь похожим на туго набитый тряпками мешок. Отпускаю и делаю шаг назад, одновременно зажимая нос свободной рукой. Немец падает кулем. Надо бы его связать да рот заткнуть, а то очухается и орать начнет. Подходить к этому во всех смыслах засранцу не хочется. Но надо. Вдыхаю ртом, наклоняюсь и завожу ему руки за спину. А чем вязать? На нем целая сбруя из ремней – так просто даже не расстегнешь. Ладно, пока пилотку пристрою в виде кляпа. Думал, засунуть ее в рот будет трудно, но оказалось все просто – челюсть сама отвалилась, и кляп занял свое место. Что-то тут не то. К вонючке уже почти притерпелся, поэтому решил исследовать тушу поподробнее. Потянул за подбородок вбок, и голова повернулась без всякого сопротив-

ления. Зажал на всякий случай нос, ох и здоровущий он у него, ноль реакции. Осталось проверить пульс. Точно, перестарался. Чего ж он хлипкий такой оказался? Ладно, пусть валяется. Надо девчонку в чувство привести и тикать отсюда.

– Очнись, красавица, – протягиваю руку, чтобы поддержать голову, и чувствую под ладонью что-то липкое. Только не это! Приближаю свое лицо к ее и пытаюсь уловить запах дыхания. Ничего. Судорожно проверяю пульс. Мну ее запястье минуту или более. Ну, где ты, стучащая жилка? Мать, мать, мать! Что же за паскудный мир? Какая паскуда меня сюда закинула? Выберусь, найду и убью. Оживлю, и еще раз убью. А ведь это не мое! Точнее, мысли мои, а вот эмоции скорее Константина, его эндокринная система так меня колбасит. Или секреторная. Костя как-то прослушал популярную лекцию на эту тему, толком не понял, но долго парил мозги друзьям и подругам. Но дело сейчас не в этом, надо думать, что делать дальше.

Винтовку из-под трупа достал с большой аккуратностью, отложил в сторону, саму девушку уложил ровнее, прикрыв, по возможности, обнаженные части тела обрывками одежды. Затем взял винтовку и задумался. Это был «маузер», еще не укороченный «девятиноство восьмой». На «мосинку», конечно, похож, но есть и различия. Главное – это наличие предохранителя, о котором рассказывал сержант на курсах, обещал принести показать сначала натуральную винтовку, затем плакат, но так в конце концов ничего и не принес. Предохранитель же, как помнится, должен быть трехпозиционный, и его надо как-то поворачивать. Похоже, это вот та штука позади затвора. Ага, затвор не двигается. А если так. «Штука» повернулась, встав вертикально, и стала напоминать фаллический символ. Хотя затвор освободился и, сдвинув его, можно было увидеть досланный в ствол патрон, имея предохранитель в таком положении, прицельно стрелять было невозможно – линия, прицела была перекрыта. Нажал еще раз, и предохранитель, если это, конечно, был он, встал в положение, противоположное начальному. Затвор двигался, но сработает ли спуск? Пришлось один за другим извлечь, двигая удобной загнутой рукояткой, все патроны и попробовать. Спуск сработал. И то хлеб. От воспоминания о хлебе в животе заурчало. Молчи, брюхо, выдашь, не будет тебе хлеба, свинцом накормят. Новую обойму извлек из подсумка трупа и зарядил оружие. Как ни старался, шестой патрон в ствол загнать не удалось, а ведь у немца их было шесть, наверно, секрет какой-то есть. Сбрую с подсумками и флягой пристроил на себя достаточно быстро, а дальше задумался. И что теперь, бежать в лес шишки грызть? Ко всему прочему немцы обязательно устроят погоню – так не спустят. В плен теперь тоже не сдашься, по крайней мере не вблизи деревни.

– Kurt, wo Sie ist?¹

А вот и второй дойч объявился. Судя по голосу, он метрах в ста – ста пятидесяти западнее или северо-западнее. Эх, знать бы, сколько их всего и скоро ли они пойдут этого Курта искать. Скорее всего скоро, жаль, не понимаю, что он кричит. Эх, Костя, язык Гёте надо было учить, а не Вольтера. Пара-тройка минут еще есть, надо решаться. Блин, зачем я сбрую напялил, теперь время терять, пока сниму да назад натяну.

Через две минуты я уже красовался в немецком кителе, жеваной, старательно расправленной пилотке, грязных брюках и сапогах. Загаженные немцем штаны не одену ни за что. Сможет ли моя маскировка обмануть кого хоть на миг? Ростом, при своих ста восьмидесяти двух сантиметрах, Курту я не уступал. Если это, конечно, Курт, хотя какая мне разница. Говорят, что «Трою» написал совсем не Гомер, а другой слепой грек, живший в то же время и носивший такое же имя. Вот и со мной примерно то же. Короче, рост одинаковый, оба блондины, осталось морду вниз опустить да пошатываться понатуральнее, дабы разницу в походке скрыть. Вроде все. Посмотрел на руки и понял – не все. У меня ж не только брюки и сапоги, будто у трубочиста отнял. Сдернул с пояса флягу, открутил крышку... Чтoб тебя в аду черти жарили, Курт. Как я буду теперь самогонкой умываться? Вот не знаю как, но умылся. Глаза

¹ Курт, где тебя носит?

щиплет, зараза, как их ни зажмуривай. Интересно, что-нибудь смыл или грязь развез по всей морде? Судя по рукам, должно быть более-менее.

– Kurt, wenn der Herr Unteroffizier wird früher kommen, wirst du auf die Toilette zu reinigen².

Смейся-смейся, теперь я точно знаю, что вас трое, те самые. Покойники. За себя бы мстить не стал, а вот за девчонку... Всё, хватит время тянуть, пора! Прости, девочка, что не успел. Теперь либо я к тебе в попутчики, либо пару других подберу.

Со двора через скрипнувшую калитку вышел, как и хотел, мордой вниз и, прислонившись к забору, глянул исподлобья в сторону любителя поорать, но никого не увидел, метров через семьдесят улица поворачивала на север. Вероятно, тот, кто мне был нужен, находился за этим поворотом. Зря я маскировался, до забора меня не увидят, а дальше хрен спутают. Нечего тянуть кота, пошли помаленьку. Смысла изображать пьяного уже не было, потому через пару минут я уже у угла. Хорошо, что у них здесь заборы сплошные, а не штaketник задрипанный. Колотит. Опять присаживаюсь на корточки и выглядываю. Площадь перед каким-то немаленьким, тоже бревенчатым зданием. Либо школа, либо сельсовет, а может, контора какая, колхозная или заготовительная. Около крыльца мотоцикл, но крикуна не видно. Наверно, внутри. Как бы его выманить. В голову ничего не приходит.

Бац!

Вот это мне чуть в голову не пришло! Падаю, одновременно разворачиваясь в сторону, откуда сам только что появился. Еще одна пуля бьет в то место, где сидел. Ухожу в перекат, одновременно выбрасываю руки с винтовкой вперед. Бац! Пуля взрывает песок под самым боком. Не успел, гад! Сейчас он возьмет упреждение, и я сам вкачусь под следующую. Ба-бах! Нажимаю на спуск, еще не разобравшись, куда стреляю. Может, напугаю. Делаю перекат в обратную сторону. Бац! Похоже, повелся, или я ему прицел сбил, по крайней мере, пуля прошла где-то далеко. А вот и мой стрелок. Стоит метрах в пятидесяти во весь рост в классической позе спортивного стрелка и садит в меня из пистолета. Ему проще, а мне затвор пере-дергивать. Ба-бах! Не попадаю. Опять перекат. Бац! Он на один мой неприцельный может два прицельных выдавать. Ба-бах! Есть! Попал куда-то в область бедра, похоже, даже вскользь, но немца развернуло, почти опрокинуло, но тот справился и начал опять поворачивать ствол в мою сторону. Но нога продолжала подламываться, и ему пришлось встать на колено. Это все, что он успел сделать. Ба-бах! В этот раз я смог нормально прицелиться, и пуля, ударив солдата в грудь, опрокинула его на землю. Готов или близко к тому, хотя и скребет ногами по песку, но встанет вряд ли. А вот крикун, продолжая орать, явно спешит сюда. Хоть что-то у меня осталось? Слегка оттягиваю затвор – один в стволе, а вот перезарядиться, боюсь, не успею. А, где наша не пропадала, становлюсь на колено и зацеливаю угол, зажав в зубах обойму.

– Kurt, der Unteroffizier Zielinski, was passiert?³

Не хочет из-за угла вылезать. Ну и ладно, сейчас узнаешь, кто пришел. Перевожу прицел левее и жму на спуск. Ба-бах! Если он не трус, то я труп. Дергаю затвор и засаживаю обойму. Трус. Слышу удаляющийся топот, вскакиваю сам и, выскочив за угол, всаживаю пулю в успевшего отбежать на полтора десятка метров солдата. Ба-бах! И тишина. Не отнимая приклада от плеча, разворачиваюсь в сторону пистолетчика, прикрытого сейчас забором, и приставным шагом сдвигаюсь, одновременно выбирая спуск. Здесь все нормально – немец все еще месит ногами пыль, но каждое движение все медленнее и медленнее, этому недолго осталось, тем более что под ним уже натекла темная лужа, несмотря на то, что прошло всего несколько секунд. Теоретически оратора можно не проверять – с такой дырой в черепе ему только при-шелец вроде меня сможет помочь, а я никого подобного вокруг не замечаю. Точно, труп, к бабке не ходи. Ха, интересно, при чем здесь какая-то бабка? Кажись, понял – отходняк начи-

² Курт, если господин унтер-офицер придет раньше, будешь сортир драить.

³ Курт, унтер-офицер Зелински, что происходит?

нается, вон как руки ходуном ходят. Надо бы возвращаться к первому стрелку, очень уж подозрительная корзина недалеко от него образовалась – жратву я сейчас за километр почую. Или за парсек. Ну, точно запасливый хомяк попался, хоть и почтидохлый. Вот эта колбаска домашняя мне в самый раз, хоть и не успевает во рту таять, так как я ее сразу следующим куском дальше проталкиваю, но вкусно. Немец забулькал кровавыми пузырями. Сказать что-то хочешь? Наклоняюсь, и тут меня накрывает Слиянием.

Не хочу!

Но поздно.

Глава 2

Какой раз я сегодня из отключки выбираюсь? Похоже, уже третий. Это может и в привычку войти. Не хотелось бы. Голова почти не болит, прогресс налицо, что радует, хотя внутри такая каша, что хоть топор вешай. И что это за толпа вокруг меня собралась, причем с сельхозинструментом колюще-режущего свойства, тем более, заметив, что я пришел в чувства, какой-то мужичок перехватил поудобнее вилы и сделал в мою сторону шагжок.

– Э-э-э... а вы кто будешь?

– Дед Пыхто, не заметно? – Вставать я пока не решался, потому просто сел прямо в пыль, да и какая разница – форму все одно уже уделал.

– Наш, што ли?

– Ну как тебе, мужик, сказать – скорее наш, чем наоборот.

– Говоришь чудно, но наш вроде, – мужичок неуверенно оглянулся на толпившихся за спиной селян.

– Да сволочь он! Наш, не наш – паскудник и есть, – взвилась баба с косой в руке. – Жолнеров ерманских побил, сам щас наутек, а нас ерманец по околице всех развесит. Хватай его, ерманцу сдадим, можа, и помилует.

Народ заволновался, но, похоже, мысль меня хватать пришлась по душе. Если сейчас им отпор не дать, неизвестно, как дело повернется дальше. Первым делом я подобрал валявшийся рядом «люгер» и, стараясь не показывать слабость, встал, хотя на винтовку и пришлось опереться. Повертел пистолет в руках, патроны вроде еще должны остаться, и как можно наглее посмотрел на толпу.

– Ну, кто первый хватать будет? – Народец слегка попятился, но перепугался, похоже, не сильно, так как в мою сторону нацелился целый ворох инструмента. Бросятся толпой, хрен отобьюсь, не стрелять же в них на самом деле. Хотя кое-кому в зубы дать и стоит. – Желающих, похоже, нет? Поэтому перестаем дурыю маяться и думаем, что делать дальше.

Ага, увидев, что я беру на себя командирские обязанности, а значит, от ответственности увилывать не собираюсь, селяне приободрились. Ну да, извечный русский вопрос – кто виноват и что с ним, гадом, делать? Чего уж теперь, гад – выкручивайся.

– Для начала быстро убираем трупы. Там во дворе еще один немец и девушка, – махнул я рукой в сторону двора, из которого вышел на улицу.

– Видели уже, – мужик с вилами тяжело вздохнул. – Так это он ее?

– А ты думал я? – зло посмотрел на мужика.

– Та не, – тот опасливо отодвинулся. – Мы так и помышляли, та и морда у него в царапках.

– Любка, шалава, сама виновата, – баба с косой уступить, похоже, не собиралась. – То с красными жолнерами путалась, то теперь с ерманскими, стервь, начала...

Не нравится мне эта баба, если уж она так о мертвых односельчанах, да еще, возможно, при родственниках, то жди беды.

– Ты, курва, пасть заткни, а то я тебе ее заткну таблеткой свинцовой, – как бы не перестаться, но, похоже, в тон попал – окружающие стали зло толкать бабищу. – Уберите ее отсюда, а то я за себя не ручаюсь.

Похоже, страху я на нее напустил. Заодно и уважение остальных баб и мужиков заработал – не любят люди с такими стервами связываться, от безнаказанности те еще больше стервенеют, и справиться с ними становится уже проблемой. Тот же, кто с твоей проблемой справляется, достоин как минимум благодарности. Вот и пускай пылит отсюда. Меньше народа – шире размах.

– Трупы, те, что кровят, так просто не таскайте. В дерюгу какую заверните. Немцев раздеть полностью, да недалеко от дороги на околице сложите, но чтоб в глаза не бросались. Форму отстирать и починить аккуратно надо. Успеете, пока я покойников и мотоцикл прятать буду?

Народ начал бурно обсуждать мои претензии на припашку, но то, что я взял на себя сокрытие следов, убедило их в моем праве требовать от них помощи. Мужики так сразу согласились – кровь и дерьмо не им отмывать, да и штопать не они будут. Что удивительно, думал, больше будут возмущаться те, кому одежда с засранца достанется, но оказалось наоборот – больше не понравилась возня с кровью. Менталитет у селян от городского отличается, что, в общем, не удивительно – навоз здесь удобрение, а не грязь, а человеческий или звериный, не так важно.

Темнеет сейчас поздно, до заката часа три или около того. Пока местные с покойниками разберутся, с полчаса у меня есть. Во-первых, корзиночку, что немец пер, надо прибрать – что с боя взято, то свято. Тут еще много чего вкусного. Из фляги бы отхлебнуть, но надо иметь трезвую голову, хотя мозги скоро закипят. Вот это как раз – во-вторых. Надо осмыслить, что я с немца получил. Язык теперь знаю, бытовуху и устройство Рейха тоже. Вполне смогу за гражданина сойти. А вот политика – это что-то с чем-то. Мир этот точно больной. Так ведь дурак с коммунистов фигел – думал, у них с головой не все в порядке. Нет, я и сейчас так считаю, но наци – это вообще ни в какие ворота, даже распашные с калиткой. Первые хотя бы хотят сделать всех людей счастливыми. Ну не совсем всех, кое-кого в расход отправить собираются, хотя пока в основном на своих тренируются. Желание осчастливить человечество, причем все, по одной схеме и прямо в его присутствии – это, конечно, диагноз. Но вот вторые, вот эти кому угодно фору дадут. Короче, додумались до того, что они истинно разумные, а все остальные должны быть их рабами. Даже римляне, на которых каких только собак не навесили, до такого не дошли. Как там у них – нет ни римлянина, ни иудея... Что самое смешное, иудеи у наци даже в качестве рабов не котируются. Ну и что теперь делать? Сдаваться в плен к этим ненормальным в квадрате нельзя ни под каким сиропом. Их только могила исправит. Похоже, если хочу выжить, придется этим и заняться. Пусть они умрут сегодня, завтра и послезавтра, а я не скоро, а если выбраться удастся, то, возможно, очень не скоро. Все, некогда сейчас, подумаю об этом завтра. Дерюгу уже тащат, значит, надо быстренько унтера обшмонать.

Ничего особенно интересного не нашел, так, мелочи – запасная обойма к «люгеру», коробка на двадцать пистолетных патронов, часы, зольдбух, немного денег и прочая мелочь, что лежит в мужских карманах, вроде сигарет, зажигалок, расчесок. Так как не курю, хотел сигареты сначала мужикам отдать, но подумал, что те на них здорово спалиться могут, да и мне для других целей сгодятся. Вдруг собачки, например, появятся, не слишком хорошая, конечно, защита, но и минута лишняя при погоне для спасения не помешает. Напрягать мужиков на самосад не хочется, они еще не знают, что просто так от меня не отвяжутся, вдруг решат, что меня проще убить, чем прокормить. Война все спишет.

– Уважаемый, а как величать тебя лучше? – обратился я к обладателю вил, впрочем, сейчас их уже не имеющему.

– Опанас Григорьевич я, но все дядькой Опанасом кличут.

– Тогда, дядька Опанас, пригляди, чтобы с немцев народ ничего не растащил. Мне, в общем, не жалко, но если этих искать будут, а увидят у кого гармошку какую губную, часы или курево, погорите всей деревней, причем в прямом смысле.

– Чего ж мы, совсем без разуму?

– Берешься за всех ответить?

– Не, за усих не возьмусь. Разные есть. Лады, погляну.

– Ну вот и хорошо. Еще к тебе вопросик – кто местность здесь хорошо знает?

Мужик странно посмотрел на меня.

– Як хто? Уси и разумеют – живем мы тут, как не разуметь.

– Хорошо, давай по-другому. Кто знает, как в болото мотоцикл протащить, чтобы не утопить, но и не нашел его никто?

Тут дядька уже задумался.

– Ну, Кузьма болота разумеет, но вошел он кудыть третьего дни. Пацан если его, Миколка. Тот завсегда с батькой шляется, даж в школу не ходет. Председатель Кузьму завсегда с того костерил.

– Так удастся Миколку найти?

– Як вще ево искать. Вона с малыми подглядыват, – и указал на группу мальчишек, что собрались метрах в пятидесяти и что-то активно обсуждали, не отрывая от нас взглядов.

– Миколка, подь сюды!

От группы отделился паренек лет двенадцати и, пыля босыми ногами, помчался в нашу сторону.

– Вот, Миколка, товарищу бойцу помощь треба.

– Николай, – с серьезным видом протянул немаленькую мозолистую ладонь мальчишка.

– Константин, – с неподдельной серьезностью ответил я и пожал руку. – Помощь от тебя, Николай, нужна следующая. Место мне нужно, куда можно мотоцикл своим ходом загнать, но так, чтобы и недалеко, и не нашел никто, и в сохранности все осталось. А если еще и немцев где можно будет схоронить, а лучше попросту притопить, то и вообще хорошо.

– Можно, – молвил Коля, предварительно поморщив лоб, будто обдумывает что-то, но по сразу загоревшимся глазам было понятно, что место такое он знает. – Покажу, но близко не будет. Да и лошадь нужна с постромками – своим ходом не пройдет, хоть механизм и мощный. У нашего участкового послабже был.

Ишь, разбирается, прогульщик.

– Как, дядька Опанас, лошадь будет?

– Та буде, куды от вас, бусурман, деваться.

– Вот и отлично. Через десять минут встречаемся... А кстати, Николай где?

– На околице, там, – он махнул рукой в ту сторону, откуда я пришел.

– И еще, дядька Опанас, не в службу, если кто баню топит, пусть мне водички теплой оставят – третью неделю из лужи умываюсь, сам небось по запаху заметил.

– Да уж, – усмехнулся тот. – Дух свиреп. По-любому Любку обмывать надоть. Апосля покойницы не сбоишься? Хотя че те, душегубцу.

– Да ничего страшного, я непривередливый, да и в приметы не верю.

Мое утверждение о приметах мужику явно не понравилось, но тот промолчал.

– А волосы стричь у вас кто умеет? – вдруг вспомнил я.

– А те на кой? – удивился Опанас, глянув на мой слегка заросший полубокс.

– У немцев стрижки другие, мою все равно в их не превратить, но, если поаккуратнее подровнять, под пилоткой почти незаметно будет.

– Ты чо ж, в ихнем бродить собрался? В емперилистическу за то стреляли враз.

– Эх, если я им живым попадусь, боюсь, по-любому, расстрелом не обойдусь.

– Ну тож верно. Лады, Верку спрошу, всех пользует, може, и тебе обломится, – хитро усмехнулся он в усы.

Намек про Верку был понятен, но что-то мне не до того сейчас. Около мотоцикла уже лежали три трупа, завернутые в драную мешковину, кое-где уже пропитанную кровью. Рядом были и сложены вещи, что сняли с покойников. Быстро собрав боеприпасы и прихватив еще кое-какую мелочовку вроде перочинного ножа и плоского фонарика со светофильтрами, попросил унести вещи и застелить коляску еще парой слоев мешковины. Все трое в коляску не влезли, и один труп пришлось закрепить веревками. Наконец под озабоченными взглядами жителей деревни тронулся в путь. Колька уже ждал, сидя охлюпкой на серой кобыле. Сразу попросил его внимательно осматривать дорогу – неподалеку должно быть место, где немцы

обстреляли моего будущего донора. Надо бы гильзы собрать, нечего немцам давать зацепки, вдруг жителей деревни обвинят. Место нашли, причем сворачивать надо было там же. Намалялись с лапником, который разложили на месте съезда в лес, дабы следов не оставлять на обочине – штык немецкий оказался туп, как колун, не следят дойчи за оружием, а еще ордунг называется. Шучу, но если бы не сведения, полученные от унтера, так бы и подумал, что лентяй.

Работка по перетаскиванию мотоцикла, маскировки одного, «похоронам», а проще сказать, утоплению останков, оказалась та еще. Удачно заглянул за сиденье в мотоцикле, обнаружив там ранец, да непустой. Повезло, а то так и остался бы в болоте. Обратного добирались одвуконь наоборот, Колька правил, а я сзади задницу отбивал. Прибыли, когда уже сумерки легли. Николай довез меня до дома Опанаса, попрощался и был таков. Баня много времени не заняла – под пар ее не топили, просто воды нагрели, но и мочалкой меня Опанас отдраил до скрипа. Стрижка тоже заняла от силы минут десять, которые Верка, молодая симпатичная бабенка, провела с большой пользой, успев прижаться ко мне всеми возможными частями тела. И хотя реакция моя была почти нулевой, ни капли не расстроилась, пригласив заходить, когда еще чего в размерах прибавится. Пара часов ушла на разбор трофеев и чистку оружия.

Из оружия решил взять один «маузер», жаль обе были старые винтовки «люгер» и две гранаты «М-39», оказавшиеся в ранце вместе с кучей хозяйственных мелочей и некоторым количеством нескоропортящихся продуктов. Штык и португез оказались одни, причем даже непонятно, зачем первый из убитых мной их вообще надел. Унтеровские знаки различия решил перешить – форма его была мне мала, а звание выше рядового могло и пригодиться, не так цепляться будут. Мордой лица ни на одну из фотографий я не походил, но тут уж ничего не поделаешь. Исподнее мне местные подобрали из своих запасов на «пока поносить», и я блистал в кальсонах и белой рубашке. Завтра в немецкое переодеваться придется. А вот брюки и особенно китель, что стирала сейчас супруга Опанаса Григорьевича, могут к завтра и не просохнуть. Хотя Елена Борисовна, та самая супруга, показав огромный страшный агрегат, названный утюгом, обещала, что все будет хорошо.

День еще не закончился, а потому мне предстояли и новые встречи. Нежданно-негаданно пришел Кузьма, запропастившийся где-то отец Миколки. Поздоровался с хозяевами, прошел к столу, где я разложил на мешковине свой арсенал для чистки, и так же, как сын, протянул мне руку.

– Кузьма.

– Константин, – я встал, опасливо попытался пожать лопату, заменявшую хозяйину кисть руки. – А по отчеству как?

Тот только махнул рукой, присел и тут же сграбастал только что вычищенный пистолет.

– Хороший «парабеллум». Мне как-то в империалистическую почти такой же попался, только ствол подлиннее. Меняешь чего?

Деловой мужик. Не старый, и сорока бы не дал, в гражданской бы успел повоевать, а вот в империалистическую...

– Нечего особо менять. Если только «маузер» один, но патронов нет, сорок две штуки осталось – самому мало. Гранаты и «люгер» тоже нужны.

– Форму тоже на себе потащишь? Да и мотоцикл без присмотра на болоте проржавеет.

– Один комплект надену, а мотик все одно бросать, если хочешь – бери, да ты его и так можешь прибрать, без моего разрешения.

– Без разрешения нельзя – не к добру. Хорошо подумал, в германском идти? Мигом под расстрел.

– Мне по-любому, – указал я на разложенный арсенал.

– Коли поймают, можно сказать, что на поле боя подобрал.

– Они уже завтра этих трех искать начнут, номера сверят, и кирдык.

– Разумно, а откуда они у нас взялись, кстати?

– Ремонтники восемнадцатой моторизованной дивизии, похоже, просто пограбить заехали.

– Далековато.

– Откуда?

Кузьма усмехнулся и достал из сапога карту. Это была не карта, а мечта. Военная пяти-сотка, да еще совсем свежая.

– Мы здесь, – снова улыбнулся Кузьма, увидев мои мигом загоревшиеся глаза. – Деревня Жерносеки, а Полоцк, где скорее всего находятся тыловые подразделения, здесь – почти в двадцати верстах по прямой.

– Хм, может, передислокация шла, а они в сторонку отвернули.

– Могли, на Юровичи колонны сплошняком прут, даже ночью.

– А наши давно ушли?

– Третьего дня уже. Два дня войска с техникой шли, а сейчас, вполне возможно, тылы двинулись. Судя по тому, что канонады со вчерашнего дня не слышно, отошли больше, чем на полтинник.

– А ты что за немцами следишь?

– Да сдались они мне. Так, ходил добро какое брошенное подобрать.

– И много подобрал?

– Да где ж его много подберешь? Трофейщики у германцев жадные, чуть что, сразу стреляют, – хитро глянул на меня собеседник. – Считаю, зазря сходил.

– Карту дашь? – задал я вопрос в лоб.

– А тебе зачем? Пройдешь еще двадцать верст на восток, она и кончится.

– Не иду я на восток. Есть тут у меня кое-какие дела.

– Твое, конечно, дело, паря, но не советую. Похоже, советская власть не скоро вернется, если вернется вообще.

– Хватит тебе, Кузьма, – вмешался в разговор Опанас. – Опять в Сибирь захотел?

– Экие ж вы все пугливые. Где я неправду сказал? Или ты считаешь, что большевики завтра германцев обратно погонят, как в сказке о мальчише? Молчишь, вот и молчи, как всегда молчал, теперь на тебе германцы кататься будут.

– На простом людях всегда кто-нибудь да катается, – Опанас хлопнул дверью и вышел в сени, а может, и на улицу.

– И все же рискну, – вернул я разговор в старое русло, взяв на заметку, что мой новый собеседник, похоже, не слишком надежен, все-таки пострадавший от советской власти. – Так как насчет карты?

– Даже не знаю. Может, кроками, с царской еще, обойдешься? Хотя они у меня на кальке да карандашом – не для поля, конечно. А ладно, забирай.

Похоже, карта у него не последняя. Да и та, с которой кроки снимал. Не простой мужик мне попался, ох не простой. Хотел у него еще патронов попросить, но решил не нарываться – поговорим еще на эту тему. Надо связи наработать, а эта семейка мне, похоже, нравится, что сын, что отец. Не чувствуется в них гнили. Считается, что первое впечатление самое правильное, вот и будем ему следовать. Оглянувшись и заметив, что в избе пусто, все же решил рискнуть.

– Место нужно надежное. Недалеко, удобно и безопасно. Желательно не одно.

– Подумать надо. А не опасаться?

– Нет, не опасаясь – кому-то верить надо.

– Ну гляди, паря, я тебя не тянул. Смотри сюда: если не далеко, то прямо на запад у нас неплохой лесок есть. Колька завтра тебе там землянку покажет. Не бог весть что, но перебежать можно. А как поток спадет, то лучше тебе на восток слегка перебраться. Вот тут,

за Залесьем, небольшой массив уже есть, он слегка облагорожен, просеки пробиты, но место интересное. Озеро здесь и болото. На болото гать идет, но на картах ее нет, в середине три сухих острова. Можно даже землянки вырыть, ну и еще плюс, что есть два прохода. Сам обвешивал, но туда без меня не лезь – есть хитрости. Это тебе пока, покумекаю пару дней – еще чего подберу.

На этом мы и расстались.

Глава 3

Колька растолкал меня еще до рассвета, а значит, проспал я не более трех часов. Парень постоянно поторапливал меня, да и сам я не хотел задерживаться, тем самым дополнительно ставя под удар местных, отнесшихся к прохожему в общем-то неплохо, несмотря на те неприятности, что тот им доставил. Потому быстро умылся прямо из бочки, навьючил имущество, получил от Борисовны узелок с нехитрым харчем, и двинулись в путь. Дорога заняла не более часа и привела нас к хорошо замаскированной землянке, пригодной для проживания не более пары человек. Тут Коля устроил мне целую получасовую лекцию, как нельзя ходить по одним и тем же местам, дабы не натоптать троп, огонь жечь только из сухих дров да желательно ночью, чтобы запах дыма до утра разнесло. Больше всего удивило меня предложение справлять нужду в протекающий недалеко ручей, причем как малую, так и большую. Представил себя сидящим с голым задом над журчащим потоком и расхохотался. Зря это я – мигом потерял в глазах мальчика половину уважения. Пришлось с серьезным видом повторять, как на экзамене, его рекомендации. Пару раз он меня поправил, но остался доволен, обещался прийти к вечеру с едой – и пропал. Буквально пропал – только что был и как ветром сдуло. Чудны дела твои...

День решил провести с пользой – память у меня теперь абсолютная, это я Кольке специально пару ошибок допустил, маскируюсь типа, потому решил выучить карту. Дело не сложное, но и не простое. Полдня убил, как и не было. Поел и решил ревизию провести. Нет, какие у меня в наличии вещи и оружие есть, и так прекрасно помню. А вот что у меня в голове есть после двух Слияний? Там и черт ногу сломит. Начнем со знаний и способностей, что может мне понадобиться для выживания. Имеем за плечами четыре курса Железнодорожного института в Москве и техническую школу в Мюнхене, неплохую стрелковую подготовку, причем немец умел использовать как пулемет, так и малокалиберную артиллерию. Правда, ее он больше чинил, но и выстрелить смог бы. Еще Герберт Зелински умел водить любой транспорт, проходивший через их мастерские, вплоть до танков. Летать, правда, не умел, даже с использованием технических средств. Жаль, конечно, но не критично. А вот с починкой стрелкового оружия было хуже, не его специализация. Косте же в истекшем учебном году, вероятно, под давлением военных, прочитали курс лекций по инженерному воздействию на железнодорожные пути и сооружения, а попросту что и как нужно взрывать или разрушать другими доступными способами. Тоже может сгодиться. С медициной никак – могу шину и жгут наложить да рану забинтовать, хотя кажется, что для меня это не слишком важно, особенно если пощупать вполне так заживший череп. Шрам еще есть, но что-то мне подсказывает, что ненадолго. Плохо с личными воспоминаниями моих доноров – их практически нет. Не то чтобы сильно напрягало, но могут быть проблемы. С Гербертом ладно, а вот Константин, чьим телом я владею... Можно, конечно, разыгрывать амнезию или секретность, но как бы то и другое не вышло боком. Ну да ладно, будем бороться с проблемами по мере их поступления. Главное, надо придумать причину, по которой я не хочу отдаляться от этого места, не объяснять же, что здесь наибольшая вероятность по выходу из задницы. Не поймут. Потому и надо закорешиться с Кузьмой. Вот и причина будет – связи у меня тут. Неплохо бы организовать небольшой партизанский отряд и застолбить за ним место, но здесь проблема – сразу найдутся командиры, постарше да позаслуженней. Мне это не подходит, хоть и меньше внимания к рядовому, но и крутить им можно как заблагорассудится, а уж просветить его на странности, появляющиеся в его поведении, сам бог велел. Так и шлепнуть могут – они это здесь быстро. Опять надо думать. Эх, голова ты моя нерезиновая.

Вечером пришел не Коля, а совсем даже наоборот, его отец. Причем не один. Сначала меня это не насторожило, хотя и не понравилось, что место моего инкогнито станет известно скоро всем окрестным жителям. Но тут я ошибся. Спутник Кузьмы оказался совсем даже не

местным и не жителем, а сержантом Красной Армии родом из славного города Одессы Георгием Байстрюком, сразу предложившим называть его Жорой. Одет новоприбывший сержант был в гражданку и оружия не имел. На мой вопрос, чего так, не обиделся, сказал, что все лежит в нужном месте и будет в нужное время, после чего сразу завалился спать. Чего-то я не понимаю в этом мире. Это чего-то решил выяснить у второго своего гостя.

– Ну и что это было?

– А это смотря чего ты хочешь? – начал мой собеседник, отведя меня в сторону и стрелюнув сигарету. – Хреновый все ж таки у германца табачок.

– Ты разговор в сторону не уводи.

– Видишь ли, Костя, как ты уже понял, большевиков я не люблю, но вот этих, которые большевиков нам на шею повесили, не люблю еще больше.

– При чем тут немцы и большевики?

– Молод ты еще, а вам в школах хрен кто расскажет, как Германия с помощью революционеров всяких разрушила великую страну.

– Так уж и разрушила, да и если бы большевики немцам служили, то война-то зачем? Сказки это все буржуйские.

Не зря Кузьма завел этот разговор, ну и я поиграю – пусть побеседует с упертым комсомольцем.

– Большевики не такие дураки оказались, похитрее многих. Не нужны им стали никакие хозяева – всех кинули, от того и война. Да и с той стороны сейчас не те, кто большевиков покупал. Далеко не те. Гораздо хуже. Хотя и те нас за дикарей держали, а эти... Этим придется уничтожать. Всех, кто крови попробовал, поголовно. Это как с медведем-людоедом. Либо ты его, либо он всех, до кого дотянется.

– Ладно, отбросим политику, от меня ты чего хочешь?

– Ты хорошо начал, по-мужски, и я не верю, что ты дальше будешь тихо сидеть. Раз не хочешь, как прочие, идти на восток, значит, что-то тебе здесь надо. Я не собираюсь пытаться, что, но если готов драться, то чем могу помогу. И не я один. Держи харчи, буду завтра или Кольку пришлю, коли не сподоблюсь.

– Немцы-то были?

– Наезжали. Бабы им поплакались, что собак у них побили, харч с самогонкой поотнимали. Про Любку молчали, а то германцы могли не поверить, что убийцы запросто ушли. А так – были да уехали. Недалече трех наших бойцов постреляли в ночь, на них небось и свалили. Все, некогда мне, дела.

Взял еще одну сигарету и ушел, а мне теперь чего делать? Надо бы с сержантом поговорить, но вот как подступиться, ничего в голову не приходит, да и будить не хочется – вид у него не курортный, тоже небось намаялся. О, легок на помине.

– Ну что, командир, перекусим?

– С чего это я тебе командир? Я вообще лицо сугубо гражданское и военными командовать никак не могу.

Байстрюк только пожал плечами.

– Евстратыч сказал, что ты теперь командир. Ошибся?

– Какой Евстратыч?

Удивление сержанта, похоже, было не наигранным.

– Кузьма Евстратович, какой же еще. Иль не признал?

– А, мне он только по имени представился. Может, ты и фамилию его знаешь?

– А как же, Говоров его фамилия. Странные тут у вас дела творятся, похоже, не заскучаю.

Правда, что ты трех фашистов за минуту положил?

– Не за минуту, но правда. Повезло. А почему фашистов?

– А кого? Немецкие фашисты они и есть.

– А, вот ты о чем. Вообще-то в Германии фашистов давно нет, может, в Австрии и остались где, да и то, наверно, по тюрьмам сидят.

– Не понял, это как? А эти кто?

– Конкретно эти скорее всего были никто, а главная партия на самом деле в общем-то единственная, НСДАП: Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Если короче, то национал-социалисты.

– Это что за зверь? Нам комиссар говорил, что они фашисты – ставленники мировой буржуазии, а ты говоришь рабочая партия. Кто врёт?

– Да в общем никто. Теоретически тонкости там есть, причем тонкости достаточно толстые, а практически нам с тобой все равно, а то, что партия у них рабочая, это так – отголоски давно минувших дней, хотя, конечно, многие в партии у них из рабочих.

– А почему в Австрии сидят, она же под немцами?

– Потому что никто не хочет властью делиться. В момент аншлюса, ну, когда Германия войска ввела в Австрию, там у власти как раз фашисты были, их быстро разогнали, многих посадили. Может, уже и отпустили, а может, и в расход отправили, не знаю.

– За что же их? Они ж все одним миром мазаны.

– Никто не хочет делиться властью. Короче, считай это нарастанием политической борьбы на современном этапе.

Похоже, что мой новообретенный подчиненный не спал на занятиях по политграмотности и оценил шутку.

– Так с чего вы с Кузьмой Евстратовичем решили выдвинуть меня на командную должность?

– Я ничего не решал. Он сегодня пришел и говорит, типа, если ты, Жорик, твердо решил на восток не идти, то вот тебе платье гражданское, прячь пока оружие, и пошли, я тебя новому командиру представляю. Ну а я че, я и пошел.

– Все равно не понимаю. С чего он-то решил, что я командовать должен? И почему ты согласился? И кстати, а почему ты не пошел за фронтом?

– Вот это ты сразу вопросов высыпал. По-первому, это ты с ним сам решай, согласился, потому что он мне жизнь спас, по крайней мере в лагере немецком я по его милости не сижу, ну а насчет последнего – много причин. Ты не думай, я не трус, но все так сложилось, что лучше я здесь фашистов бить буду, чем меня там особист трести.

– Есть за что?

– Вот тебе крест, не за что, но эти докопаются. Перед самым ударом по нашему УРу комиссар на меня телегу в особый отдел накатал, а меня на губу закатал. Как бои начались, капитан наш меня и отправил заниматься тем, из-за чего я погорел.

– Это чем же?

– Позицию на фланге оборудовать. Болотце у нас там, но лето жаркое, оно и подсохло. Я возьми да и сунься к летехе, что только из училища пришел, мол, надо позицию на фланге организовать, да с пулеметом, а лучше сорокапятку туда захреначить. Летеха к капитану, а там эта гнида носатая. На лейтенанта набросился, какой предатель хочет ослабить оборону на вверенном участке? Тот то ли не сообразил, то ли испугался, но меня и заложил. А как фашист попер, так меня Никодимов, капитан наш, с губы выдернул, да и отправил с тремя архаровцами, двумя лопатами и дегтярем, куда я и просился. Эх, если б на сутки раньше, да пушечку там поставить. Немцы пустили-то там одну двоечку и пару бронников, а что я с ними сделаю? Пришлось пропустить их, а пехоту в этой низинке зажали, любо-дорого посмотреть, как эти гады в грязи как свиньи валялись да боялись голову поднять. Как из минометов садить начали, пришлось отходить. Да у меня приказа стоять там насмерть не было, но если особист с рапортом удачно удрал, то хода за линию фронта мне нет.

– Ну что же, бывает. Мне тоже далеко отсюда не след уходить, но о своих причинах я распространяться не могу. Просто надо, и вопрос этот поднимать больше не будем.

– Так что ж я, без понятия?

– Вот и хорошо. А что ты там говорил о нужном месте?

– Ну, дык, я как отходил, и ДП, и АВСку забрал. Бойцов моих кого минами побило, а кто и сбежал. Только тяжело было, потому диски я побросал, в последнем меньше половины осталось, так что я вроде при пулемете, но... Правда, Евстратыч обещал этой беде помочь и с патронами тоже.

Это были хорошие новости. Растем над собой.

– А что ты насчет Кузьмы думаешь?

– Кажись, он еще из царских офицеров.

– Вот что-то не верится. Сколько ему лет, по-твоему?

– Лет сорок.

– Именно, какой тогда из него офицер? В гражданскую еще мог воевать, а в империалистическую очень вряд ли. Хотя мне он говорил, что ему тогда «люгер» достался. Странно, надо будет его попытать. Не люблю непонятностей. Все страньше и страньше, как говорила одна девочка из страны ныне нам союзной.

– Какая девочка?

– Если будет много свободного времени, расскажу.

– Ага, на том свете если только. Только там и будет, похоже.

Ночь прошла спокойно, а наутро появился Колька с очередным небогатым пайком и увел моего подчиненного. Конечно, тот, честь по чести, спросил разрешения на убытие, с целью доставки оружия на временную базу. Я же задумался о том, что делать дальше. Похоже, воевать придется – Кузьма имеет на меня определенные виды, и нарушить их, значит, рисковать нарваться на неприятности. Да и нет у меня желания по лесам прятаться, вроде не мое это дело, а вот руки чешутся надавать кое-кому по наглым мордам. Судя по поведению троицы ремонтников, немцы чувствуют себя вполне комфортно, несмотря на массу бойцов Красной Армии, пытающихся пробиться на восток. Понятно, что те стараются обращать на себя как можно меньше внимания, но все же есть предел. Или я чего-то не понимаю, или кто-то слишком расслабился. Другой вопрос, стоит ли их заставлять сейчас сильно напрягаться. И так уже обратил враждебное внимание на эту местность. Ну устрою я еще пару гадостей, отправлю на встречу с предками пару-тройку солдат или даже офицера, заставлю напрячься, так они мне устроят облаву, кислород перекроют, да и местных подставлю ни за понюшку табаку. Надо придумать что-то серьезное, чтобы это хоть как-то сказалось на общей обстановке. Эшелон, например, с танками подорвать вместе с мостом. Размечтался, чем рвать будешь, двумя гранатами? Кузьму трясти надо, как елку, глядишь, подарки какие и посыпятся.

Когда придут обратно добытчики, не ясно, делать особо нечего, а не смотаться ли мне к одному месту, которое приметил, изучая карту? Точно, надо сходить, только маскировку навести, но это недолго – пилотку в карман, пиджак поверх формы, и готово. Если каким окруженцам в лесу на глаза попадусь, вряд ли станут сразу стрелять, принять же вид храброго немецкого солдата – дело нескольких секунд. Заинтересовал же меня небольшой мостик возле села Захарничи. Небольшой-то он небольшой, но находится на весьма оживленной дороге, проходящей с запада на восток. Очень перспективный мостик.

Хотя идти было недалеко, но умудрился заплутать – компаса-то нет. К дороге, конечно, вышел, как мимо нее пройдешь, но значительно западнее, к мосту пришлось топтать лишних десять минут. Ну что можно сказать – мост небольшой, но крепкий, всего два пролета по три метра, деревянный. Это уже радует. Речка так себе, скорее ручей, по-хорошему его надо было в бетонную трубу загнать, и вся недолга, но тогда мне здесь бы ничего не обломилось. Движение было очень плотное, прямо как муравьи туда-сюда шастают. В основном, конечно, двух–

и трехосные грузовики, реже мотоциклы и гужевой транспорт, один раз даже полтора десятка велосипедистов проехало. А вот охраны не было. Интересно девки пляшут... Жаль, оптики никакой под рукой нет. Не может быть, чтобы такой объект не охранялся. Под мостом часовой вряд ли будет сидеть – умучаешься, если над головой постоянно что-то громыкает. А секрет не судьба выставить? Что-то не верится в такую постановку службы, не по-немецки это. Пост под грибком с полевым телефоном и бравым зольдатом второго срока службы – это запросто, а прятать Карацупу в траве – не верю. Но и в то, что объект без охраны оставили, еще больше не верю. Прележал часа три – сверху напекло, снизу застудило. Странно, до воды далеко, но сырость какая-то в земле. Вечером надо вернуться, поглядеть, что тут в темное время происходит, только подготовиться стоит получше, хоть лапника нарезать, а то застужусь еще.

На базу вернулся практически одновременно со своим подчиненным и семейством Говоровых. Нагружены все трое были хорошо, даже Колька какой-то тюк тащил. Ну, что в дом, то не из дома. Несмотря на вес, Говоровы шли по лесу тихо, а вот сержант изображал носорога на прогулке. Носорогу, положим, извините за каламбур, на всех положить, а вот нам не стоит этого делать. Надо попросить Кузьму поучить нас нормальному передвижению, я тоже не пример для подражания в этом вопросе, как ни стараюсь, а под ногой обязательно что-нибудь хрустнет, но хоть не матюкаюсь, как некоторые.

После небольшого перекуса принялись за разбор добра. Как и обещалось, на вооружение к нам поступил дегтяревский пулемет и автоматическая винтовка. От своих щедрот наш добровольный снабженец подкинул еще три диска к пулемету, мешок с патронами, навскидку штук двести, и четыре гранаты «РГД-33», причем все с оборонительными рубашками. Кроме этого, было много хозяйственных мелочей, включая котелок и старый, наверно, еще дореволюционный, закопченный чайник. Чая, правда, не было, будем обходиться травяным сбором, но хоть нормальная горячая пища будет.

– Слушай, зампотыл, – обратился я к Кузьме. – А нет ли у тебя в хозяйстве какого ни есть заваливающего тулупа? Внешний вид значения не имеет.

– А что, сильно мерзнешь? Я вам два одеяла подогнал.

– Боюсь, что сегодня ночью могу и замерзнуть. Днем три часа без движения пролежал, и то нутро подмерзать начало, а за ночь я дуба дам.

– Это где ты на такой жаре умудрился?

– Да у мостика одного.

– У Захарничей?

– У них.

– Взорвать хочешь?

– Взорвал бы, было бы чем. Пока только посмотреть – непонятки там какие-то. Дорога важная, а мост не охраняется, надо внимательно присмотреться, а то можно вляпаться по самое не хочу. А ты бы пока поскреб по сусекам. Нужно что-нибудь горючее. Бензин с мотоцикла сольем, но неплохо бы какого мазута или смолы. Надо не только верхний настил спалить, но и балки, а желательно, и опоры. Не факт, что получится сейчас и с этим мостом, но подготовиться надо.

– Подумаю. С бензином можно попробовать древесную смолу намешать, но надо попробовать, что выйдет. Тулуп старый есть, прямо сейчас с Колькой пришлю.

– Ты там поосторожней, мало кто увидит, особенно чужой.

– Не пальцем деланные. Мне как раз надо в Захарничичи к свояку съездить, – хитро ухмыльнулся мужик. – Заодно и проведаю, что да как.

– Тогда ни пуха.

– Иди к черту.

Два часа до прихода Николая убили на чистку оружия и набивку патронов. К винтовке у Георгия было два магазина да четыре диска к пулемету. Ликбез по снаряжению и использованию нового для меня оружия прошел в рекордно короткие сроки, не бином Ньютона. Не понимаю, почему сержант говорил, что винтовка в войсках не пользуется уважением, типа сложная и капризная. На мой вопрос – а чистить и ухаживать не пробовали, он только рассмеялся. Сказал – пробовали, но ухода она требует больше, чем пробовали, у него лично за год всего две задержки были, но патроны что для АВС, что для ДП надо отбирать тщательно. То, что трехлинейка съест и не поморщится, автоматическому оружию может и поперек горла встать. Таких неполноценных патронов нашлось два десятка, которых как раз и не хватило для снаряжения последнего диска. Кстати, при снаряжении дисков узнал одну хитрость – заряжался он не полностью, а только сорока пятью патронами вместо сорока семи, вроде бы задержек меньше становится. На вопрос, а относится ли это и к винтовке, получил ответ, что так тоже делают, но это уже шаманство чистой воды – кому помогает, кому нет. Оказалось, что важнее держать магазины как можно дольше разряженными – пружина лучше работает, но в условиях войны это чревато. Вот и думай, что лучше – встретиться с врагом с половиной разряженных магазинов или с полными, но рисковать получить задержку в ненужный момент. С винтовкой проще, ее на ходу можно готовыми обоймами дозаряжать, а с пулеметом такое не проходит. Очень заморочная конструкция, нормально диск снарядить можно только вдвоем, ну или одному, если третья рука есть. Среди нас двоих подобных мутантов не наблюдалось ни одного экземпляра. Посовещавшись, решили один диск и один магазин держать разряженными и менять их каждый день. Разряжать не снаряжать, это проще. Тут как раз Колька подоспел с чем-то, отдаленно напоминающим овчинный мешок с рукавами. Кроме всего прочего, от него изрядно пованивало. Жуть. Но на безрыбье и сам раком станешь. С запахом Николай справился быстро – нарвал какой-то травы, причем основным ингредиентом этого пучка была обыкновенная крапива, и натер этим овчину. Если честно, предыдущий аромат никуда не делся, но стал не таким противным.

Пора было выдвигаться на ночные бдения. Жаль, горячего поесть опять не удастся, так и гастрит можно заработать, а то и язву, работа нервная, однако. В этот раз сильно не плутал – становлюсь настоящим следопытом, найду чей-нибудь след и буду пытаться понять, чей. Дело было уже к вечеру, но немцы и не собирались успокаиваться, так и перли как заведенные. Сколько же их тут? А вот как начало совсем смеркаться, я и лицезрел воочию прелюбопытнейшую картину. Со стороны села вдоль дорожки прошествовало три гитлеровца, причем двое из них в шинелях, дошли до моста, один остался на одной стороне, а два других прошли дальше. Порыскали вдоль обочины, затем один вернулся, так же прогулялся там, а затем отправился обратно. Двое других стали мерно прогуливаться вдоль дороги, примерно десять шагов туда, потом обратно. Как только третий исчез за домами, так и эти остановились и стали глазеть на проезжающие машины, время от времени переговариваясь то между собой, то с проезжающими. Вот и охрана пожаловала. Получается, пост они ставят только на ночь, да и то парный. Непорядок это, а точнее наглость. Будем смотреть дальше, вдруг для таких мудрецов, как я, у них какой сюрприз припасен.

Промаялся всю ночь, время от времени отползая в лес, где прыгал и махал усиленно руками, чтобы хоть как-то разогнать кровь и согреться, но ничего особо ценного не приметил. Вообще картина мне нравилась. Просто Шишкин какой-то, маслом. С наступлением темноты оживление на дороге не спадало, что привело меня в некоторое уныние. Фашисты так же упорно продолжали портить дорогу своими колесами, только фары зажгли, да скорость движения упала раза в полтора. Я уже думал сворачиваться – чего зря мерзнуть. Часа через два после захода солнца к мостику выползла огромная гусеница автоколонны, сверкая глазами-фарами. Длиной она была не меньше километра, а потом как отрезало. Сначала я не поверил, и правильно сделал, потому как в сторону Полоцка на огромной скорости, несмотря

на темноту, вдруг проскочили два мотоцикла, а потом и правда стало тихо. Со стороны Захарничей раздавался некоторый шум, чаще всего это было мычание коров. Собачьего лая слышно не было, наверняка немцы и здесь постреляли друзей человека. Ну-ну, как бы это им самим боком не вышло. Смена караула произошла только один раз за ночь. Я уже думал, либо я в темноте не вижу смены, либо пост вообще на всю ночь выставили, но нет – через четыре часа вдоль дороги замелькали огоньки фонариков, часовой окликнул неразборчиво приближающихся, и фонарики отправились обратно. Больше всего же меня добило то, что они еще и курили на посту. И это немецкий порядок? Переговаривались – ладно, прыгали и били себя по бокам руками со страшным шумом – туда-сюда, но курить... Они же себе и обоняние, и зрение разом обрубают. Нет, ребята, у нас за это наказывают, вплоть до... после рассвета почти целый час продолжала стоять тишина, затем, как и предыдущим вечером, с запада показалась длинная колонна, и все пошло по наторенной дорожке. Сопровождали ее опять же два мотоцикла, оторвавшись метров на двести. Не те ли, что ночью последними проскочили? Кстати, первая колонна только втянулась на мост, а разводящий уже тут как тут, забрал своих горе-охранников, и почапали они в село. Отсыпаться, наверно. Как я ни высматривал разводящего, особой разницы с часовыми не увидел, кроме шинелей, конечно. Похоже, это был обершюце, была у него похожая нашивка на рукаве. Эх, полцарства за бинокль! Если я все правильно рассчитал и это не унтер, то, вероятнее всего, в селе только половина отделения, а это значит, что врагов всего пятеро, ну на крайний случай шестеро. Будем лелеять надежду, что Кузьма данные мои подтвердит. Вчерне план начал вырисовываться.

Мой единственный подчиненный дрых без задних ног. Как говорится, солдат спит, выслуга капает. Хотя был уже почти день, но ночной холод не хотел покидать мои кости. Наплевав на конспирацию, выбрал самые тонкие и сухие ветки и разжег небольшой костер. Хорошо-то как. Через полчаса райского блаженства, выпив три кружки горячего настоя и перекусив чем Кузьма послал, растолкал сержанта, дал ценные указания по несению караульной службы, тем более что перед глазами еще стоял пример наплевательского к ней отношения, и завалился спать. Ага, размышлялся. Вроде только голову преклонил, уже будят, бисовы дети.

– Командир, вставай, обед простынет. Раз ты сам костер разжег, то я уж решил заодно и кашу сварить. С салом!

– Дай поспать, ирод. Всю ночь глаз не сомкнул, замерз, как собака. Потом разогреем.

– Так я уж два раза разогревал. Да и Евстратыч уже пришел. Это он сказал будить, – грамотно перевел стрелки Георгий.

– Что ж вы за люди-то такие, прямо гестаповцы какие-то, – несмотря на все жалобы, вставать все же пришлось.

Умывшись из приготовленного заранее, неужели поливать меня подчиненный собирался, котелка со свежей студеной водой, был готов как пионер, но беспокоить меня никто не стал – дождались, пока я трапезничать закончу. Либо исправиться решили, либо бояться, а может, решили подождать, пока от меня толк будет. Наконец рассказал о своих наблюдениях. У сержанта появилось только одно мнение – бить надо, пока не очухались. Зампотыл мой тоже согласился, что такую безалаберность спускать нельзя.

– Я тоже так считаю, но одни неполные сутки наблюдения маловато будет. Патруль мотоциклетный меня беспокоит. Вдруг они только сегодня проспали все, а в другие дни ночью гоняют? Слишком уж как-то все легко. А что свояк?

– Здоров, чего и вам желает, – Кузьма посмотрел на наши физиономии и расхохотался. – Шучу. Я никому про вас не говорил, хотя вся деревня наша знает, а если с мостом получится, то и окрестные начнут догадываться. А вот это плохо. Тут и германцы прознать могут.

– Есть мысль, как слегка замаскироваться.

– Вот мысль – это хорошо. Значится, по немецкому посту – всего их пятеро, квартируются в избе Силантия Косого, жинка его им харч готовит да обстирывает, но ночуют они только

одни. Силантия с семейством из дома выгнали, он теперь у брата обитает. По режиму ничего сказать не могу – не хотел проявлять излишнего внимания, но вроде полдня они спят, потому как Ульянову после обеда только пускают.

– Пятеро – это хорошо. А серьезного оружия у них нет? Ну, типа пулемета...

– Сам понимаешь, я к ним не заходил, а специально расспрашивать не хотел – что свояк за бутылкой первача рассказал, то я тебе и повторил.

– Лады. А что у нас с греческим огнем?

– Греков нема, а огонь будет. Бензин весь из бака сливать я не стал, оставил пару литров на всякий случай, но жуткой смеси литров двадцать сделаю, тем более что есть у меня старого масла машинного немного да деготь. Если за полчаса загасить не успеют – дотла все сгорит.

– Времени много понадобится?

– Часа через три готово будет. Только мешать будем в лесу, подальше и отсюда, и от деревни – больно уж запах суров будет, только совсем тупой не поймет, чего варят.

– Несколько бутылок прихвати.

– Неудобно с бутылками. У меня бочонок березовый двухведерный есть, проще из него поливать.

– Бутылки нужны, чтобы замаскироваться под использование армейских зажигательных смесей. Да, и масла постного прихвати граммов пятьдесят-сто.

– Как скажешь, командир.

– Все занялись работой. Кузьма за коктейль берется, Григорий доснаряжает и проверяет оружие, а я пока штык трофейный попробую наточить.

– А чего его точить? – удивленно спросил Жора.

Я молча вынул штык из ножен и протянул сержанту.

– Гля, и правда тупой как валенок. Брак, что ли?

– Нет, они так выпускаются и поступают в войска, так там и используются.

– Так им, если что, никого и не зарежешь.

– Как видишь, обходятся.

– Странные эти фашисты.

Кто же спорит, лично я даже не пытался. После возвращения нашего на все руки специалиста, теперь еще и химика, пришлось спускаться в небольшой овражек и там бодяжить свой коктейль. Не все оказалось так просто. В обычном состоянии смола и деготь ни в какую не хотели смешиваться с маслом и бензином. Пришлось греть, вот тут я и понял, что Кузьма говорил про запах. Так дело не пойдет. Если я этим пропахну, то к часовому не смогу и на десять метров приблизиться. Пришлось поделиться сомнениями с отрядом. Да, я стал уже воспринимать нас как отряд, а куда деваться. Решили примостить к этому делу Николая, естественно, при соблюдении строгих правил техники безопасности.

– После выполнения задания, боец Говоров, выдвигаешься в район родного дома, разводишь костер, разогреваешь деготь, смолу или еще какую вонючую ерунду и приступаешь к ремонту крыши. Задание понятно? – я строго посмотрел на Кольку, уловив при этом одобрительный взгляд его отца.

– Так у нас с крышей все нормально, – опешил молодой Говоров.

– А это не твое дело, солдат, – вмешался старший. – Получил команду – выполняй.

– Есть, товарищ командир.

– Вот это другое дело. Только не солдат, а боец, – как бы невзначай поправил я Кузьму.

На варку и правда ушло не более часа. Теперь мы были обладателями внушительного бочонка вонючей дряни, которая очень неплохо горела.

– Так какой план, командир? – спросил Кузьма, отправив Кольку создавать алиби своему могучему духу.

– План простой. Мы с сержантом выдвигаемся к мосту, дожидаемся смены караула, даем ему расслабиться часок, а затем берем в ножи.

– Не пойдет, – возразил наш, теперь уже, похоже, начштаба. – Опасно. К тому же ты не берешь меня в расчет по какой-то причине. Не доверяешь? Или думаешь, я ножом хуже вас сработать смогу?

– Не стоит тебе, Кузьма Евстратович, этой ночью дома отсутствовать. А ну кто два и два сложит?

– Кто нужно, и без этого сложит, а дома я каждую вторую ночь отсутствую. И нечего меня, командир, по отчеству величать, для тебя я боец Говоров.

– Я так понимаю, присягу вы не принимали, так что являетесь лицом гражданским.

– Присягу я в январе семнадцатого давал, а уж царю, России или СССР, значения не имеет. Я Родине присягнул, и ни я сам, ни кто другой освободить меня от нее не может.

– Хорошо, тогда меняем план, если честно, мне он тоже не очень нравился.

* * *

После смены караула прошло законных полчаса, и немцы совсем расслабились – один закурил, а второй лихо отплясывал, пытаясь согреться. Все шло, как и в прошлую ночь, надеюсь, сюрпризов в виде внеочередной проверки постов не произойдет.

– Выдвигаемся, – прошептал я своим подчиненным, посверкивающим белками глаз на фоне вымазанных смесью растительного масла и золы лиц. Сам я имел тот же вид. Ничего, отмоемся. – Даете мне полчаса и начинаете. Мост жечь в любом случае, что бы со мной ни случилось.

– Да поняли мы все, командир, ведь пятый раз повторяешь, – зашипел в ответ сержант.

Второй мой боец промолчал, да и правильно сделал, он, похоже, мандражировал гораздо меньше нас. Я подхватил пулемет и двинулся в сторону деревни, а две другие тени направились в обход моста. Григорию придется еще и через ручей перебираться. Ночь была темная, хотя на востоке начинало заметно светлеть. То, что надо для нас, – немцы будут поспокойнее, как-никак ночь, считай, прошла, и нам целиться попроще.

Село встретило меня тишиной, аукнутая кое-кому несчастные собачки. Нужный дом был третьим с краю, и теоретически можно было устроить позицию недалеко от околицы, но я решил, что бить в спину – это более рационально и, что не менее важно, гораздо безопаснее. Потому прошел до следующего строения и залег в неглубокой канаве, направив ствол пулемета на входную дверь. Стрелять, конечно, надо не сразу, а дать немцам выбраться всем под огонь, но мало ли. Ждать еще минут десять, а меня начала снова бить дрожь, то ли промерз, то ли опять адреналин прыгнул. Ничего, пулемет на сошках – это не винтовка с рук – такие огрехи он прощает. Выстрел! Второй! Работают «маузеры», но пойдя разбери чьи. Еще! А теперь спаренный. Похоже, все идет по плану, и немцы должны увериться, что пост кого-то обнаружил и теперь ведет обстрел, а спаренный выстрел обозначит, что караульные не понесли потерь. В окнах нужной мне избы вспыхнул свет. Ну как вспыхнул – скорее просто в керосиновой лампе вывернули до максимума фитиль. Неосторожно! Они тут вообще мух не ловят, их могут прямо в окна перестрелять. Но мы подождем. Что они там телятся? Ну, наконец-то, побежали. Похоже, один тащит что-то тяжелое, а бегут хорошо, кучно, и видно их на фоне улицы отлично. Это просто праздник какой-то! Пулемет толкнулся прикладом в плечо и прорычал очередью патронов на десять, короткий реквием. Фигуры солдат полетели на дорогу, как городки после удачного попадания биты. Так не залегают, похоже, хоть по одной пуле досталось каждому. Подождем. Что-то не хочется мне к раненым приближаться, а ну как опять накроет. Стрельба около моста тоже прекратилась. Наверное, это хорошо. Один вообще не подает признаков жизни, из оставшихся двоих шевелящихся кто-то громко стонет. Пулемет еще два раза

толкает меня в плечо. Затихли. Оба. Надо рисковать, подхожу ближе. Контроль желательно делать из пистолета, но не хочется оставлять лишних следов. И почему к пулемету штык не приладить? Приходится приблизиться вплотную и, опасаясь попасть под Слияние, ткнуть в каждого штыком. Один дернулся, я тоже – не от страха, а от неожиданности, но пронесло. Похоже, Слияние накрывает, если с ним не бороться, а если заранее озаботиться, то можно и без него обойтись. Будем надеяться, что выводы мои правильные.

Пора потрошить гитлеровцев, конечно, не в прямом смысле, а на предмет наличия трофеев. Начнем с этой большой штуки. Надежды сбываются – пулемет. Только какой-то непонятный, похож на «MG-34», но приклад не такой, да и еще странный магазин вместо ленты. Блин, это же тринадцатая модель, хоть я не суеверный. Впрочем, машинка нормальная, а то, что скорострельность у него невысокая, то нам только в плюс – патроны целее будут. Практически, что и мой ДП, короче, хорошее приобретение. Что тут еще? Два «маузера» «девятисто восьмых» – это понятно, а вот четыре «колотушки» – это хорошо – гранаты очень пригодятся. Патроны, часы, фонари, два коробчатых магазина – это к пулемету. Похоже, здесь все. Забираю один из фонариков и иду в дом. Тут копаться придется долго. Одних ранцев пять штук, но в них я не полезу, все потом. Еще одна винтовка, ну правильно – пулеметчик свою оставил. А что у нас под кроватями? Мешок. Тяжелый. Да тут патронов штук двести – это я удачно зашел. Еще один мешок. Консервы, галеты, хлеб в прозрачной бумаге. Нет, это не бумага, это целлофан. Такой хлеб может храниться месяцами. Еще какие-то пакеты и жестянки. Похоже, немцам сухой паек выдали, но они, не будь дураками, заставили местных себя кормить. Вроде закончил. Стаскиваю все добро в сени и осторожно выглядываю на улицу.

– Командир?

– Сержант, ты чего здесь делаешь?

– Я на помощь.

– Твою ж за ногу! Ты должен мост подготавливать. А если патруль? Кто прикрывать будет? Я же сказал: главная задача – мост. Вернемся, будешь вечным дежурным по кухне.

– Есть!

– Шерсть! Хватай ранцы, сколько сможешь унести, и рысью к мосту.

Здоровый бугай, похватал все ранцы, да еще и оба мешка на горб взвалил, как бы не надорвался. Мне осталось только оружие и то, что было на покойниках. Тоже вес немалый, включая и мой пулемет. Своя ноша. Хотя сержант и убежал раньше, до моста мы добрались вместе. Наш сапер как раз выбрался из-под него.

– Опоры обмазывал, – ответил он на незаданный вопрос. – Можно поджигать. Бутылки где бить?

– Поближе к дороге, чтобы точно заметили. Гильзы собрал?

– А как же.

– Держи, – я вытащил из кармана несколько гильз, подобранных мной в Захарничих. – Эти брось так, чтобы не слишком на виду, но обязательно нашли. Будем надеяться, что патологоанатома у них не будет.

– Не поможет. Мы с Жоркой их выстрелами в голову сняли. Навылет.

– Георгий, лошадь приведи.

– Так туточки она. Что я, больной, бочку полкилометра на себе тащить?

– Тогда быстро навьючивай ее. Я с пулеметом прикрываю.

Не прошло и четверти часа, как мы уже бодро вышагивали по лесу, оставив за спиной жадно пожираемый огнем мост. Адреналин еще кипел в крови. Мы с Кузьмой старались сдерживаться, а вот Георгий всю рассказывал мне, как он переправлялся через ручей и чуть не упал в него, лежал в десяти метрах от фашиста и ждал крика утки, как немец взмахнул руками и упал, как они с Евстратычем устроили пальбу... Балаболил без перерыва, понятно – мальчишка еще на самом деле, пусть выговорится.

Глава 4

Как ни плохо была устроена у нас караульная служба, но гостей мы заметили первыми. Произошло это, если правда, потому, что мы сидели, а они шли, случись наоборот, наоборот бы и случилось. С передвижением по лесу надо что-то решать. Гости были шестеро, все в форме Красной Армии и с оружием. Удачно все же, что на базе я немецкий прикид сбрасываю, а то и до стрельбы могло дойти, уж больно боевой народ пришел. Их сержант как окликнул, так тут же залегли и стволами ошетинились – не хотят в плен. Это они, конечно, правильно, но вот так кучей лежать, хоть бы рассредоточились. Когда Григорий им об этом сказал, да еще намекнул, что таких горе-воjak можно одной гранатой накрыть, обиделись и послали его по матери, за что в обратку получили в три этажа и сразу успокоились – немец так не умеет. На наше счастье, командиров и комиссаров в этой группе не было. Четверо рядовых, младший сержант и старшина. Все были из двадцать девятой моторизованной дивизии, попавшей в окружение в самом начале войны под Белостоком. Этим повезло, так как из котла их вышло больше пятидесяти человек, а дошли только они. Нет, вряд ли остальные погибли, хотя похоронили по дороге больше десятка, примерно столько же похоронить не смогли, кого-то оставили с ранениями на милость местным жителям. Короче, натерпелись, как в свое время и Константин, но боевого духа не утратили, хотя отощали, обросли и обносились здорово. А уж ели, наверно, за всю роту. Со старшиной разговор вышел непростым. Когда его подчиненные сладко посапывали с набитыми животами, он сам подошел ко мне, предварительно перебросившись несколькими фразами с Георгием.

– Товарищ командир, – старшина явно не понимал, как себя со мной вести. – Разрешите обратиться?

– Обращайтесь, только представьтесь сначала, а то как-то неудобно только по званию.

– Старшина Кошка.

– А имя и отчество?

– Леонид Михайлович я.

– Шеин Константин Викторович, – я протянул старшине руку, которую тот крепко пожал. – Присаживайтесь, Леонид Михайлович. О чем разговор будет?

Видно, своим поведением я сбил у старшины настрой, и он на несколько секунд задумался и, решив использовать заданный мной тон, взял быка за рога.

– Не доведу я людей до наших. Так и стигнем все. Идем-идем, а конца нет.

Замолчал.

– А от меня вы что хотите? – решил я прийти ему на помощь.

– Хочу со своими бойцами принять ваше командование, – как в омут с головой бросился крепкий тридцатилетний мужик, которого жизнь не сломала, но, по всему видно, надломил.

– И как вы себе это представляете? Я не военный, звания у меня нет, как я могу вообще командовать вами?

– А как сержантом? Он же мне сказал, что тоже окруженец. Им, значит, можете, а нами – нет?

– С Георгием все сложно, он тут собирается «героизм» проявить, за счет чего кое-что в своей судьбе поправить. А с вами другой коленкор. Не окажется ли ваше нежелание выходить из окружения дезертирством?

– Я думаю, нет, мы же не к бабам под подол прятаться собираемся, мы тут воевать будем. Или у вас другие планы?

– Планов у меня пока никаких особых нет. Но как быть с командованием? Представьте, что завтра выйдет на нас какой лейтенант, а то и капитан, если вы не дезертиры, то должны ему подчиняться, вот он и скажет вам дальше идти. И?

– Не знаю.

– То-то и оно. И я не знаю. Нет у меня права вас себе подчинять. Было бы, я и маршала б послал. В общем, посоветуйся с бойцами, может, они не захотят оставаться. На миру, как говорится, и смерть красна. Если решите остаться, то руководство я над вами приму, есть одна мысль. Комсомольцы или коммунисты среди твоих есть?

– Да, двое в комсомоле состоят.

– Вот с ними особо и поговори. А сейчас выпись – на ногах же еле стоишь.

Кошка двинулся к своим бойцам, а ко мне тут же направился Георгий.

– Ну что, командир, чего старшина хотел?

– Ты лучше расскажи, чего про меня наболтал.

– Ничего я не болтал, – сделал вид, что обиделся, Жорка. – Все правду сказал, что отряд мы партизанский собираем, чтобы, значит, фашистов в хвост и в гриву. И что ты, командир, фашистов этих меньше, чем по три штуки зараз, бить зазорным считаешь, а потому на мелочи не размениваешься, и если тех один-два, то мне размяться разрешаешь.

– Балаболка.

– Ха, – ощерился тот. – Где я неправду-то сказал? Вот то-то же – хоть только и два раза, но по три штуки. Так что зря ты, командир.

– Ну-ну, доиграешься. Пока тебе задание – в немецких вещах я книгу видел, в коей те караульную службу свою протоколировали, так странички с их записями выдернешь и припрятать, а книгу и ручку с чернилами к вечеру приготовить. Понял? Выполняй.

Хотя сержанту и было любопытно, что я задумал, но с вопросами он не полез – чуял, что палку перегнул, как бы, разгибаясь, по нему не врезала. Пусть помучается.

– Да, и ужин тоже на тебе. Помнишь, кто у нас вечный дежурный по кухне?

Со своими бойцами старшина побеседовал еще до ужина, и, похоже, к консенсусу они пришли, не без споров, конечно, похоже, и консенсусу слегка досталось, но, видно, решение было единогласным. По крайней мере оживление в их рядах было связано не только с предвкушением сытной еды. Понятно, устали люди от того, что они просто идут, а их просто убивают. Не чаяли, что дойдут, а тут вот – конец дороги и возможность послать обратку, отомстить за себя и за других.

– Ну что, Леонид Михайлович?

Расположились мы на старом месте, где давеча прервали разговор.

– Все согласны. Остаемся.

– Тогда собирайте комсомольское собрание. Секретарем сержант, я председательствовать буду, явка обязательна для всех.

Через два часа в лесу недалеко от деревни Жерносеки комсомольской ячейкой был образован партизанский отряд «Полоцкий мститель». Отряд на сто процентов состоял из комсомольцев, те из бойцов, кто до сегодняшнего дня комсомольцем не был, им стал. Вопросы будут с Кузьмой – в комсомол его будет сложно принять по возрасту, да и если не это, вряд ли он вообще согласится. Будем решать проблемы в порядке поступления. Комсомольский партизанский отряд – отмазка по сути слабая, но тут уж что смог, то и сделал. По крайней мере красноармейцы теперь подчиняются мне как секретарю комсомольской организации по партийной линии. Хотел обозвать себя каким-нибудь Генеральным или Первым, чисто для пользы дела, но против Устава не попрешь. Жорка придумал обозвать меня боевым секретарем – глупость, конечно, несусветная, но составители Устава не додумались ввести запреты на такие звания. Теперь я – единственный в мире боевой секретарь. Бред.

Кроме этого, естественно, должность командира отряда досталась тоже мне. Предложения по введению должностей заместителей отменил сразу, нечего тут бюрократию разводить, хотя позже, если расти будем, без этого не обойтись. Георгия из вредности назначил делопро-

изводителем, но за это снял с дежурства по кухне, с вечного, естественно, от очередного хрен отмажется. Вообще с кухней нас посетила удача, хотя... Впрочем, дело было так.

– Старшина, а бойцы твои кто по военно-учетным?

– Дык, хозяйственники мы, четверо водители, включая и меня, повар и слесарь. Слесарь и повар спецы без преувеличения хорошие, а водители так – нормальные.

– Прибедняешься, сам тоже просто нормальный?

– Сам ничего так, а остальные только с гражданки, дивизию-то нашу из стрелковой переформировывали, вот под это дело и призвали.

– Понятно, хозотделение у меня уже есть, теперь найти бы тех, кто воевать будет.

– Товарищ командир, вы не сомневайтесь, мы все так воевать будем, что тошно станет.

Я даже подозреваю кому. На шесть винтовок у новых членов отряда имелось аж двадцать патронов, количество прочего военного имущества стремилось к бесконечности, понятно, с каким знаком. Быстрый опрос личного состава выявил следующие достоинства: пятеро из шести, объяснять, кто этот шестой, думаю, не следует, были на стрельбище целых три раза, выпустив в общей сложности по три десятка патронов в белый свет. Как метать гранаты и стрелять из ручника, им тоже показали, но не разрешили, наверно, посчитали, что не заслуживают доверия. Еще много чего они знали о воинской службе, но не умели. Все просто здорово. Спихнул на старшину организацию караульной службы, а сам с сержантом сел составлять план боевой учебы. Ну да, два знатока придумывают нечто, о чем имеют смутное представление. Составили, а куда деваться. Первым делом ознакомили личный состав с «маузерами», и караульная пара заступила на пост с трофейным оружием.

По поводу трофеев Георгий меня здорово обрадовал – мы стали обладателями пяти винтовок, пулемета, семи гранат различных систем и больше четырех сотен патронов. Небольшая проблема была с «машингевером» – к нему был только один магазин на семьдесят пять патронов и два на двадцать пять, а с ленты он не питался. Для затяжного боя оба наших пулемета негодились, ну так и не будет причин ввязываться в подобную глупость. Основная наша тактика – сделал пакость, и в кусты, на большее и замахиваться не стоит.

Что за оживление в лагере? Дежурная смена куда-то сорвалась, небось зампотыл попался в капкан нашей организации постовой службы – стоит сейчас с поднятыми руками и удивляется, а туда ли он попал. Точно, ведут. Серьезные такие, до этого только их ловили, а теперь, гляди, сами круче крыши.

– Товарищ командир, задержанный доставлен, требовал встречи с вами. Докладывал старшина Кошка.

– Благодарю за службу, старшина!

– Служу трудовому народу!

– Знакомьтесь – наш начальник разведки товарищ Говоров, а это, товарищ Говоров, старшина Кошка.

Мужчины пожали друг другу руки, и дежурная смена подалась на место постоянной дислокации.

– И что это было?

– Много нового произошло за прошедший день, товарищ начальник разведки комсомольского партизанского отряда «Полоцкий мститель».

– Быстрые вы. С зампотылу меня понизили, гляжу?

– Ну извини – место хлебное, а у меня теперь есть целый старшина из хозроты. Кого, как не его?

Мы рассмеялись, после чего пришлось вводить Кузьму в курс дела. Оказалось, что не только по возрасту, но и по званию он у нас самый старший – еще перед Февральской успел закончить школу прапорщиков. Узнав о боевых качествах нашего нового пополнения, долго смеялся, правда, не так долго, как после прочтения учебного плана. Обещал переделать.

Может, до начштаба повесить, и пусть совмещает? Хорошая мысль, особенно в плане разгрузки себя, любимого. Откуда-то в голове всплыл вопрос: «Кого должен любить демон?» И ответ не заставил себя ждать.

– Что с восстановлением моста?

– Думаю, уже закончили. Задержка у них вышла, там такая прорва машин с обеих сторон собралась, пока жандармы все это дело разгребли, пока саперы пробились – полдня коту под хвост. Колонны в обход погнали, наши Жерносеки, считай, стали оживленным местом. Дорога – в хлам, машин не меньше трех штук на борт опрокинули, это только что я в окрестностях видел. Сейчас уже спокойно.

– Вот и ладушки, пару дней отсидеться надо да пополнение в божеский вид привести. Мы тут среди трофеев денег взяли – сто пятьдесят шесть марок и более тысячи рублей. Есть мысль, как распорядиться?

– Марки я бы вообще светить не стал, а вот червонцы могут и пригодиться, только надо получше прикинуть, как и для чего. У тебя какие мысли?

– Как думаешь, наши до зимы вернутся?

– Ну ты хватил – если только к следующей.

– Вот и я так думаю, а зимой без теплых вещей и продуктов хана.

– Так это к гадалке не ходи.

– Как думаешь, что будет, если мы ревизиями начнем заниматься?

– Тож ходить далеко не надо – сдадут.

– Потому и покумекай, как нам и рыбку съесть, и костью не подавиться. Если нас будет десяток, то перебьемся, а представь, что полсотни или поболее... Ну, и еще одно дело – неприятное. Надо тебе в Полоцк ехать, представиться новой власти на предмет занятия административной должности.

– Ты на что, командир, меня подписываешь?

– А кому сейчас легко? Ты от советской власти пострадавший? Пострадавший. Так что надо, Кузьма, надо! Мы перестрахуемся – я тебе приказ выпишу, или издам, не знаю, как правильно, но учти – приказ будет только в одном экземпляре, спрячь так, чтобы ни одна немецкая собака не сыскала. Если с отрядом что случится, не хочу никого подставлять.

– А если со мной что случится, так в глазах людей врагом и останусь?

– Если жив останусь, слово даю, сделаю, что могу, ну а если... не обессудь.

– Блин! Вот как увидел тебя, командир, в первый раз, так и понял – вот тебе и вестник на коне бледном.

– Ага, сейчас только косу достану. Отставить лирику. Еще что есть? Если нет, тогда к тебе еще дело – сам займись или Николая пришли, но мне нужно научить бойцов по лесу ходить, а то прямо стадо слонов какое-то. Да и сам такой же.

– Вот тут я тебя огорчу – ничего не получится, на твердой подошве в этом году никто из вас правильно не пойдет. Единственно, что могу предложить, – онучи из плотной кожи. Частично поможет, но если придется бежать – ноги посбиваешь враз. Кольку пришлю, но на чудо не надейся.

– Хорошо, на этом и остановимся. Да, чуть не забыл, как в город поедешь, самогонки возьми, да почище, и копченостей каких.

– Вот уж как власти подмазывать, ты, командир, меня не учи, все они одним миром мазаны.

* * *

Утро красит нежным светом... И правда, день начался хорошо – с громкого ора старшины. Ну а чего бы ему не орать – просыпается, значит, начальник караула, а рядом с ним

папан сидит, семечки лузгает да дровишки в костер подкидывает, чтобы служивые не замерзли, вдруг простудятся, а это урон боеспособности отряда. Считаем, что первый урок преподан, и теперь злой старшина ни с кого не слезет, пока не реабилитируется. Вот, уже онучи мотают. Положим, не слишком сложное занятие, особенно для тех, кто знаком с портянками и обмотками. А вот дальше пошло веселее. Я, конечно, понимаю, что пальцем по пеньку – это больно, но матом при ребенке ругаться совсем не дело. Ровно на три наряда потянуло, причем не за мат, а за нарушение режима тишины в условиях, приближенных к боевым. То ли еще будет. Скажу вам, в передвижении на обмотанных кожей ногах свои преимущества есть. Пока не наступишь на что-либо мокрое, острое или с размаху не врежешь по чему-либо не слишком мягкому. Но обучающий эффект от этого только улучшается. Коли научишься в онучах ходить так, что ноги не будешь уродовать, то и в сапогах или ботинках поступи, как у какого-нибудь Верной Руки, выработается. Тяжело в учении, но куда деваться. Николай, раз уж перешел в разряд инструкторов, поставил вопрос об официальном зачислении в отряд. В ответ на отговорку о недостатке оружия представил аргумент в виде «нагана», извлеченного из-за пазухи. Получил соответственно – по шее с конфискацией. Обиделся, да так и ходил с опущенным носом, пока не получил на руки приказ о зачислении с испытательным сроком. Кто сомневается в силе слова? То-то же. Надо где-то печать раздобыть. И зная. По мне, лучше пару пулеметов и миллион патронов да взрывчатки тонну. Угу, мечтай!

В общем и целом день прошел хорошо. Вечер тоже неплохо. Кузьма принес еды, справку о назначении старостой и бутылку самогонки, литра на два, обмыть это дело. Обойдетесь, самогонку тоже конфисковал на нужды медсанбата. Ну и что, что медсанбата нет, нужды вполне могут появиться. Лучше бы, конечно, без них, но на такое даже надеяться не стоит. Заодно переговорил по перевязочным материалам и лекарствам. Тут тоже облом полный. Материал на бинты, конечно, найдется, но вот с лекарствами полная... выпуклая часть спины. Устроил разгон насчет ношения детьми оружия, заодно и потребовал патроны к конфискату. Колька опять получил по шее, но в этот раз почему-то не обиделся – может, я бью как-то не так, обидно слишком. Дальнейшие пытки главного разведчика на предмет наличия оружия, снаряжения и боеприпасов завершились невнятным: «Есть маленько, на днях бойцов дашь – сходим». Короче, день прошел не без пользы.

Следующее утро тоже ничего не предвещало, хотя задержка нового инструктора и сбила слегка план учебы, но особой тревоги не принесла. Примчался Колька с опозданием в два часа и в мыле, явно здорово спешил.

– Тащ кмдир, там немцы с нашими...

– Понял. А теперь переведи дух и спокойно доложи – наши с немцами что: дерутся или пьют?

Глаза у Николая сделались величиной с серебряный полтинник.

– Немцы наших пленных сторожат, – закашлялся, видно и правда здорово бежал. – А те работают, дорогу делают.

– Вот теперь совсем понятно. А теперь давай подробно: где, сколько и все прочее.

Оказалось, что наша диверсия имела далеко идущие последствия. Машины, пущенные в объезд сожженного моста, здорово покурочили грунтовку, шедшую через Жерносеки на Козьи Горки, где та выходила на мощенную гравием дорогу более приличного качества, используемую немцами как магистраль снабжения. Если же в Жерносеках и поблизости она была просто разбита, то в семи-восьми километрах далее, около хутора Худобки, дело этим не ограничилось, больно уж болото близко там подступало. Вот и сделали там в свое время нечто вроде гати, засыпанной сверху землей. Немцы об этом не знали, осторожности не проявляли, вот и получили полкилометра перемешанной с полусгнившими бревнами грязи и пяток ушедших в болото по самую крышу грузовиков. Повезло еще, что остальные успели повыдергивать. А

жаль. Сейчас на месте этого безобразия проходила целая спасательная операция. На это надо обязательно посмотреть. Может, что поймешь удастся.

Проводником, естественно, взял Кольку, хоть карта и есть, но плутать я с ней здорово умею. Хотел взять с собой еще и Георгия, но решил, пусть сержант тыловикив погоняет, а мне стоит старшину в деле посмотреть. Так вдвоем и отправились. Тяжелого оружия брать не стали, пару винтовок да короткостволы. Кошка с наганом оказался хорошо знаком. Идти было хоть и недалеко, но сухпайком новый зампотыл озаботился, мало ли сколько пробыть на месте придется. Быстро двигаться не стали, шум нам не нужен, так что два часа на дорогу вынь и положи.

Подход оказался не слишком удобным – дорога с началом болота прижималась к лесу так, что шла практически по восточной опушке забитого подлеском лесного языка. Если немцы выставили там пару секретов, попадем как кур в ощиц. Не стоит оно того. Пришлось смотреть за суемой метров с четырехсот, да и видно было плохо. Судя по количеству техники, немцев было немало – десятка два или три, по пленным сказать еще труднее – их загнали в болото, и сколько их там, один аллах знает. Может, десяток, а может, и пять. Понаблюдав с часок, увидел, что одну машину спасателям вытащить все же удалось, задействовав при этом четыре то ли трактора, то ли транспортера. Техника явно не немецкая, трофеи скорее всего, а вот советские или европейские, так сразу не скажу. Две машины опознал Кошка, сказал, что это тягачи «Коминтерн», остальные не видел никогда. Чтобы увидеть происходящее с другой стороны гати, прошли лесом по широкой дуге, но ничего интересного там не обнаружили. Если шевеления нет, то и постов скорее всего не ставили, нечего тут охранять. Удалось подобраться к самой дороге. Да, как будто Мамай прошел. Так должна, наверно, выглядеть железная дорога, которую после путеразрушителя еще и разбомбили. Если немцам нужна эта дорога как рокада, то они здесь не на один день застрянут, а может и не на одну неделю. Судя по технике, машины они до ночи повидадут, а вот будут ли гать восстанавливать, а если будут, то какими силами? Не думаю, что они будут задействовать свои инженерные войска на такой работе, либо пленным припадут, либо местных, а то и тех, и других. По крайней мере в Польше так и делали, судя по полученным мной воспоминаниям. Ну, как говорил знакомый людоед – пожеем, увидим. Полдень уже на дворе, нового вряд ли что углядим, пора и честь знать.

– Старшина, дорогу запомнил?

– Так точно, товарищ командир.

– Завтра возьмешь с собой бойца поглазастее, извини, бинокля нет, и оборудуешь наблюдательный пункт. Пусть он все внимательно запомнит, всех пересчитает, особенно обратит внимание на количество секретов в лесу. Места, где их выставят, он не заметит, но менять их должны, не оставят же сидеть на весь день.

– Так, может, с ночи залечь? Тогда точно все заметим.

– На твое усмотрение. Мне сведения нужны, а как, решай сам.

В лагере царил учебная атмосфера, то есть бардак продолжался.

– Сержант, доклад.

– Товарищ командир, отряд действует по учебному плану, представленному начальником разведки.

Быстро он. Хотя, судя по нескольким листочкам, протянутым мне Жоркой, план этот особой развернутостью не страдает.

– Где сам?

– Обещал быть к шестнадцати ноль-ноль. Сказал, нужно двух бойцов дать. С утра вернет.

Конечно, вернет, только они полдня отсыпаться будут. А еще двух старшине на наблюдательный пост надо. Двое здесь на карауле. Зашибись – остаются три, нет, с Кузьмой четыре, свободных, как вольный ветер командира. Все, точно надо еще подчиненных раздобыть, придется немцам делиться. Старшина чего-то хочет.

– Товарищ командир, непорядок, что люди под открытым небом спят, ночью не так и жарко, а если дождь. Землянки бы вырыть, раз палаток нет. Шалаш он что, от дождя помеха плохая.

– А есть смысл, если на днях уходить отсюда будем.

– Почему?

– Наследили уже много, если еще и с новым дельцем все выгорит, только совсем тупой и ленивый не допрет, где мы прячемся, – треугольник получится, а мы почти в центре. А немцы – они и не глупые и не ленивые. Пригонят пару взводов или роту и нашинкуют нас. Не хочется мне героически погибнуть, дел еще много, и вообще я только жить начал.

Последнее было чистой правдой, старшина даже не догадывался насколько.

– Байстрюк, младший Говоров где?

– Здесь где-то, товарищ командир, маскировку с личным составом отрабатывает.

– Зови его срочно.

– Так не выйдет же.

– Это почему еще?

– Так это... короче, когда он первый раз спрятался, сказал, что раньше, чем через полчаса, его ни в жисть не найдут, хотя он будет и рядом, ну я и скомандовал: «Боец Говоров, ко мне». Он прибежал, а народ ржать. Обиделся, теперь пока не найдут, сам не выйдет.

– Детский сад, штаны на лямках. Сержант, слушай приказ – чтобы Говоров-младший был у меня через пять минут. Выполнять.

За пять минут не управились, но через десять представили, как есть, вместе с маскировочной накидкой. Сделана та была из крупноячеистой сетки с навязанными на нее пучками травы, тонких веток и прочего мусора.

– Старшина, у наших бойцов такие уже есть?

– Никак нет, но к утру будут.

– Хорошо. Теперь к тебе, Николай, вопрос – лошадь сможешь достать, а лучше двух?

– Смогу, но скорее только одну, нашу кобылу баты в ночь забирает, но дядька Опанас Зорьку без вопросов даст. Остальных упрашивать надо либо отдариваться. Жмоты.

– Вот так с бухты-барахты о людях не надо. Если надо, вместе пойдем, думаю, мне не откажут.

– Так точно, товарищ командир, главное – пулемет возьмите, тогда точно не откажут. А что делать надо?

– Мотоцикл к Худобкам перетащить.

– Далеко, одна Зорька по лесу точно тащить замучается.

– А почему лошадь как корову зовут?

– Какую корову?

– Я как-то в деревне жил, так у нас корову звали Зорькой.

– Да какая разница – животное она и есть животное, лишь бы на имя откликалась.

– Угу, а сетка почему у тебя в такую крупную ячейку, мелкая, наверно, поудобнее будет.

– Так я ее вчера за вечер связал, а у бати да – ячея помельче, но тут не в ячее дело, тут как скрадываться умеешь, а сетка дело второе.

– Лады, давай дуй в деревню, я через час подойду, сможешь меня хозяевам лошадей предъявить.

Колька умчался, а я быстро перекусил и, взяв у старшины бойца, переодетого уже в немецкую форму, отправился следом. Наш малолетний снабженец не подвел. Ждал около околицы с двумя лошадьми, упряжью и знакомым мне уже мужиком. Представился тот Борисом Борисовичем. На мое предложение вернуться в деревню ответил отказом – то ли помочь хотел, то ли опасался оставлять животинку без присмотра. Хоть и вчетвером с двумя лошадьми, но умаялись мы здорово и в лагерь вернулись уже затемно. Петр, боец, что меня сопровождал,

оказался заядлым любителем разной механики, а особенно мотоциклов. От его рассказов к концу опухла голова, но пару-тройку хороших советов я получил, и то хлеб. Борис Борисович всю дорогу хмуро молчал. Николай тоже, но по причине полной распахнутости ушей – очень его рассказы Петра захватили. Ну вот, еще один будущий автомеханик появился, если, конечно, не переболеет или чего хуже не случится. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Интересно, демоны суеверны.

Сил хватило лишь только на то, чтобы поесть, выслушать доклад старшины и отрубиться.

Очередное утро началось для меня с прибытия поисковой партии. Старшины в лагере уже не было – пошел выставлять наблюдателя. Кузьму и его помощников отправил отдыхать, а сам с Колькой и Георгием занялся разбором прибывшего добра. Было его не так уж и много. Что могут принести три человека да выючная лошадь, особенно если тащить это не километр, а два десятка? Ну, нам не до жиру. Арсенал наш пополнился еще пятью «мосинками», причем одна оказалась карабином, шестью гранатами, из которых две «лимонки», сотней патронов и двумя неисправными пулеметами. У ДП был вдребезги разбит приклад, а «максим» шеголял дырявым кожаным охладителем. К «максиму» вместо щитка и станка прилагался ворох матерчатых лент – пустых, а к ДП не было даже дисков, их нам презентовали еще раньше. Да, был еще подарок – пять патронов к «нагану». Кроме оружия удалось получить три плащ-палатки, две шинели и сумку санинструктора – полупустую. Перед тем как отправиться спать, один из бойцов заверил, что приклад к пулемету сделает лучше штатного, а кожаный охладитель тоже скорее всего запаяет, только инструмент нужен. Ну что ж, обрастаем потихоньку. Самым узким местом у нас оставались боеприпасы. Ну и что – тысяча штук патронов, это, если в бой не ввязываться, кажется много, а гранат так совсем кот наплакал.

Очередную неприятную новость принес старшина. Все машины, как и ожидалось, немцы вчера из болота вытянули и утащили. Кошка с наблюдателем заняли ту же позицию, что и вчера, почти с рассветом, а еще через два с половиной часа приехали немцы. Только с другой стороны. Пришлось по нашему вчерашнему примеру, делая опять большой круг, перемещаться на другую сторону гати. В общем и целом диспозицию прояснить удалось, но могут оказаться и нюансы, их прояснить будет сложнее. А имеем мы следующее. Советских пленных работает ровно три десятка. Привезли их на грузовике, кроме которого имеется еще один мотоцикл с коляской. Немцев в охране, судя по всему, пятеро, трое вооружены винтовками, один автоматом, пятый пулеметчик. Пленных загнали в болото, где они разбирают старые бревна. Четверо немцев находятся на северной стороне гати, а один, с автоматом, прогуливается по опушке. Секретов, похоже, нет, но точнее будет ясно вечером, так как не похоже, что с ночевкой приехали.

Лошадке надо дать отдохнуть, но вечером нам с ней, похоже, работа предстоит, опять мотоцикл тягать будем. Думал ли тот, кто этот мотоцикл делал, что предстоит тому не возить, а самому кататься? Судьба, однако.

За всеми делами прошла половина дня. Старшина снова двинулся менять наблюдателя, а мне с сержантом в караул идти. Знаю, что командиру не положено, но пару часиков придется, ибо нехватка личного состава в подчинении. Надеюсь, из еды не одни поджарки оставят. Гневить начальство не в их интересах. Смотри-ка, за час управились, вон как боец спешит, чуть не падает, как хочет командира сменить. Орел!

– Где разводящий?

– Так это... – боец засмутился, но тут же опомнился и вытянулся по стойке «смирно». – Тащ командир, разводящий сержант Байстрик несет службу на посту номер три. Докладывал красноармеец Давыдов.

Стоп. Какой еще пост номер три? У нас же их всего два. Или я чего-то не знаю? Интересно-то как.

Все оказалось просто. Ну, относительно, как объяснил мне Жорка, пост с первым порядковым номером выставляется около знамени части, а за неимением у нас одного и пост сей отсутствует. Зато у нас есть четвертый пост, это который у гати. Это ж надо? Решил с армейским рационализмом не бороться – оно мне же спокойней будет. Пусть бдят службу, как по уставу положено.

Старшина вернулся поздно и хмурый, как туча.

– Товарищ командир, смену поста произвел. Поговорить бы без лишних ушей.

Это что ж такое произошло, что старшина на полуустановной съехал? Отошли в сторону.

– Что произошло, Леонид Михайлович?

– Фашисты пленных постреляли.

– Как? Всех?

– Не всех – пятерых. Я как на пост пришел, гляжу – грузовика нет. Мне Егоршин и говорит: загрузились два фрица в кабину и уехали. Решил подождать, посмотреть, что будет. Вдруг пальба, фашист с автоматом, что лес патрулировал, очередями по лесу шарашит. Я сначала думал, наши напали, но оставшиеся двое не стреляют, только пленным что-то орут. Автоматчик рожок выпустил и тоже давай орать. Выгнали их на сушь и заставили построиться, я посчитал, а их двадцать девять, видно, один сбежал. Начали они наших по одному выдергивать, троих выдернули, а четвертый упирается, за соседей ухватился и ни в какую. Тут эта сволочь с автоматом прямо на месте в него очередь. Потом еще одного выдернули, отвели в сторону – там их из пулемета и положили. Егоршин с Полищуком давай затворы дергать, насилиу удержал, хотя самому хотелось гадов этих на месте... Если б еще кого потащили расстреливать, не выдержал бы.

– Понял, старшина, – решил свернуть на уставной я. – Что дальше?

– Потом, товарищ командир, вернулась машина. Из кузова вытащили баки, вроде даже термосы. Сначала фашисты пожрали, на наших убитых показывали и ржали. Потом пленных пустили к еде. Те, похоже, здорово оголодавшие, даже отталкивали друг друга, а фашисты что-то орали и опять ржали. Наверно, издевались, что пайка у наших теперь больше, за счет расстрелянных. Бойцов снова еле удержал. Ну а потом Егоршина забрал и ушел. Полищуку сказал, что, если хоть чем себя выдаст, своими руками удавлю. Командир, языка ведь будем из них брать? Мне его потом отдай, чего тебе мараться.

– Получишь.

Ну все, гады, хана вам. Сейчас Егоршин еще другим расскажет. Как бы мне без языка не остаться, порвут ведь. Ладно, Кузьму надо будить да про новое место под лагерь попытать.

* * *

– Просто там все. Поедешь на север, километра три, выедешь на шоссе, тут же его пересечешь, и сразу грунтовка в лес пойдет, по ней километров пять-шесть. Жаль, курвиметра нет, так что на глазок. Из леса выедешь, справа Залесье будет, после этого опять лесом, до лесопилки. Перед ней съезд будет, тебе туда. По просеке с километр и дальше по вырубке направо. Метров через двести начнется болото. Слева в кустах бревна лежат, штук шесть. Бросай их прямо в болото и по ним. Через полкилометра выберешься на остров, а там уж разберешься.

– Грузовик пройдет.

– Сейчас, по сухости, да. Если дожди пойдут или по осени, вряд ли.

Глава 5

На немцев я выскочил, как черт из табакерки, те аж за оружие от неожиданности схватились, хотя вроде мотор должны были слышать, но, рассмотрев форму, успокоились.

– Обершутце, – обратился я к тому, который держал в руках винтовку, напрочь игнорируя пулеметчика. – А где дорога?

– Дорога в неисправном состоянии, господин унтер-офицер.

– Вот же свинская страна, – я обескураженно почесал затылок.

Немцы тут же заулыбались – господин унтер-офицер изволил пошутить, значит, надо адекватно отреагировать, вдруг доложит начальству, что в него из пулемета целились, потом доказывай, что не верблюд.

– У меня на карте, правда на русской, здесь дорога обозначена. И как я теперь в эти Захаричи или Захарнички, вот же дурацкие названия, попаду? Здесь что, бомбежка была?

– Никак нет, господин унтер-офицер, это наши герои-снабженцы так дорогу изуродовали. Бандиты в тех самых Захарничках на днях мост сожгли. Вот наши умники-тыловики и поперли в обход, да так, что пять машин здесь утопили. Еле достали.

В лесу трижды прокричала кукушка.

– Вот ведь свинство, – я достал из кармана пачку сигарет, сунул одну в рот и потрянул пачку так, что из нее показались еще две. – Угощайтесь, обершутце, и напарника не забудьте.

– Спасибо, господин унтер-офицер.

– Сейчас огоньку достану.

Я опять сунул руку в карман, а достал уже с пистолетом. Бац! Расстояние было меньше метра, поэтому я не боялся промазать, стреляя прямо от пояса. Пуля ударила пулеметчика в середину лба. В лесу грохнул винтовочный выстрел. Второго не последовало, значит, все в ажуре. Сигарета только начала выпадать из пальцев старшего солдата, когда ствол «люгера» усталился ему между глаз.

– Руки, фашистская свинья!

Правильно, ручки в гору.

– На землю, руки на затылок!

Вот так и лежи, зато не увидишь, как у меня пистолет в руках ходуном ходит, а значит, в голову дурные мысли не полезут. Из леса выскочил Жорка и, дождавшись моего взмаха рукой, метнулся назад, откуда вместе с Петром Егоршиным выволок третьего охранника. Пленные оторопело смотрели, как какие-то люди, одетые частично в советскую, а частично немецкую форму, споро занимают оборону.

– Товарищ командир, я двоих с пулеметом отправляю метров за триста на север?

– Старшина, действуй по плану, не кипятись, все идет нормально.

– Так понимаю, командир, но это ж... Раньше ж они нас били и по лесу гоняли, а теперь мы... Вот так... Запросто... Раз, и нету...

– А раз понимаешь, то давай руководи обороной, а я пойду наших введу в курс дела. Фашиста спеленан получше, и учти – в течение ближайшего часа он нужен мне живой, но необязательно невредимый.

До грязных и измученных пленников идти было метров семьдесят, ровно столько, сколько гати они успели восстановить – немцы в грязь особо лезть не хотели и расположились, где посуше.

– Товарищи бывшие военнопленные, выбирайтесь-ка из этой лужи. На сегодня работы закончены. На виду не болтайте,стройтесь вон там, в лесочке. Инструмент не бросайте.

Когда вернулся, Петр, одетый в немецкую форму, уже переливал из канистры бензин в бак моего мотоцикла. Запасливые немцы оказались, канистра у них с бензином запасная.

- Егоршин, как тут дела с трофеями?
- Нормально, тащ кмдир, мотоцикл хороший, вот канистра с бензином, трос хороший есть, инструмент кое-какой.
- А куда пулемет уже уволокли?
- Старшина сказал – надо дополнительную позицию организовать. Ганса с собой утащил.
- Хорошо, я к нашим освобожденным узникам, а ты здесь покрутись, поизображай несение службы.
- Есть!

Наше новое, надеюсь, пополнение довольно ровной шеренгой стояло под прикрытием деревьев. Кошка тоже был уже здесь, молча прохаживаясь перед строем. При моем приближении протянул мне автомат и подсумки, принял винтовку и отступил за спину.

– Товарищи красноармейцы, плен ваш закончился. Времени у нас мало, поэтому буду краток. У вас есть три пути, если, конечно, не считать возможности вернуться обратно к немцам, – строй слегка загудел, выражая свое отрицательное отношение к этому предложению. – Вот и отлично. И так первый – разбежаться по окрестным деревням и молить бога, чтобы вас не поймали, второй – идти на восток на соединение с Красной Армией. Синусы данного варианта в том, что если даже и дойдете, то как вас встретят без оружия и документов, предсказать не могу, даже если опустить факт нахождения в плену. И наконец третий – вступить в наш партизанский отряд. Нет нужды объяснять, почему оружие вы получите только при третьем варианте?

- Товарищ, разрешите обратиться?
- Представьтесь.
- Старший сержант Матвеев!
- Обращайтесь.
- Примерно через час еще немцы приедут, двое, на грузовике.
- Я знаю, и прямо сейчас отправлюсь решать эту проблему. По всем остальным вопросам обращайтесь к старшине.

* * *

Трехосный «Крупп» – машина с хорошей проходимостью, но даже он пасует перед русской грунтовкой, особенно если ее разбила перед этим пара сотен его собратьев. И все равно, натужно гудя, он упорно лез вперед. Конечно, когда у тебя в кузове сидят три десятка русских пленных, готовых в нужный момент вытащить машину на руках из любой канавы или ямы, чувствуешь себя спокойнее. Эти унтерменши под прицелом пулемета могут работать быстро, даже если их и не кормить, а за еду они готовы сделать что угодно. Водитель вел машину очень аккуратно, зная, что если застрянет, то придется километр идти за помощью да потом гнать этих грязных животных обратно столько же. Как только телеги местных крестьян, которых мобилизовали возить бревна на ремонт дороги, не вязнут в такой грязи? Ну вот, накаркал. Сразу за поворотом дорогу перегородил «семьсот пятидесятый» «цундапп». Мешал проезду он не просто так, а сам был заблокирован валявшейся на боку повозкой, с которой опрокинулось несколько бревен. Унтер-офицер, с закинутым за спину «тридцать восьмым» «машинпи-столе», орал на перепуганного русского, а рядовой с винтовкой стоял в паре метров и нагло щерился, глядя на это. Оглянувшись на подъехавший автомобиль и высунувшегося из кабины шофера, унтер призывно махнул рукой.

– Рядовой, берите своего напарника и помогите этой русской свинье освободить дорогу, – после чего зло посмотрел на ухмыляющегося солдата. – Тебя, Ганс, это тоже касается, поставь винтовку и берись за бревно.

Работа не заняла и пяти минут. Бревна были оттащены в сторону, а телега поднята на колеса и тоже отогнана в сторону нахлестываемой русским лошадей. Когда же водитель со своим сопровождающим попытались вернуться в машину, они обнаружили, что находятся под прицелом двух стволов, один из которых был автоматическим.

– А теперь оба на землю мордой вниз и руки за спину. Или кто-нибудь хочет стать мертвым героем?

Появление из леса красноармейца с пулеметом окончательно все расставило по своим местам.

К гати мы возвращались уже на двух моторах. Я, впереди на мотоцикле, за мной «Крупп», ведомый Полищуком, и с Давыдовым, охранявшим в кузове двух бывших владельцев грузовика. Кузьма обходными тропами отправился домой, ему с телегой долгонько придется добираться. Настроение было радужным – пока все шло как по маслу. До отбытия на новое место дислокации есть несколько часов, во время которых нас вряд ли кто потревожит. По прибытии сразу подбежал старшина.

– Товарищ командир, разрешите доложить.

– Докладывайте, товарищ старшина.

– Во время вашего отсутствия происшествий не произошло. Из тридцати освобожденных военнослужащих трое изъявили желание отправиться на соединение с Красной Армией, остальные хотят вступить в отряд.

– Ну что ж, хороший результат.

– Только мне кажется, никуда они не пойдут, рожи больно хитрые, забьются к местным бабам под юбки.

– Да и черт с ними. Лучше, если они потом удерут, когда будут знать много об отряде?

– Так-то оно так...

– Старшина, не бери в голову, что ни делается, все к лучшему. В кузове еда, займись питанием личного состава. Ходоков тоже накорми, не жадничай.

– Есть!

– Секреты пусть питаются на месте. Снимешь их, только когда тронемся, прямо по дороге и подберем.

Первым после обеда ко мне подошел Матвеев, чего я, впрочем, и ждал.

– Товарищ командир отряда, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, только давайте отойдем и присядем. Разговор, думаю, будет долгий. Курить будете?

– Так точно, буду. Не помню уже, сколько без табачку.

– Оставьте себе пачку, я не курю. Кстати, всем остальным тоже советую бросать. Знаю, что на войне не бросают, но очень советую. От этого может зависеть не только ваша жизнь, но и судьба отряда. Ладно, это лирика. О чем хотели поговорить?

– Дело тут такое. Красноармейцы решили остаться в отряде, но положение наше достаточно шаткое. Когда в плену были, понятно, но сейчас мы вроде как свободны, и если не пойдем к своим, то станем дезертирами. Дойти, как вы и сказали, шансов немного, а если и дойдем – особый отдел.

– Понимаю, сержант, хочется и рыбку съесть, и все прочее. Смотри сам – все вы попали в плен, раненых и контуженых среди вас незаметно... Не перебивай начальство, знаю, каждый расскажет душещипательную историю, как «до последнего патрона, невзирая, обстоятельства оказались превыше» и прочее бла-бла-бла, только следователь до вас таких историй уже наслушался, да еще от бойцов и командиров, вышедших с оружием и документами. Как ты думаешь, что он сделает? А уж если у него есть разнарядка по поимке предателей и шпионов, то ему вас сам бог послал.

– Да, безрадостную картину вы нарисовали.

– Не без того. Так что я ваш ангел-спаситель. В конце концов лучше от немецкой пули погибнуть, чем от своей, хоть пользу в два патрона принесешь. Единственный вариант к спасению как жизни, так и доброго имени для вас, это к моменту возвращения наших иметь в руках оружие, захваченное у врага, и кучу скальпов на поясе. Не делай такие глаза, насчет скальпов я фигурально, в наше просвещенное время их успешно зольдбухи заменяют. А приказ о зачислении вас в отряд будет составлен по всей форме: опись, протокол, сдал, принял, отпечатки пальцев! Как заведем начальника штаба, так и все полезные телодвижения будем приказами оформлять – украл у немцев ящик туалетной бумаги – поощрение, ею же. Шучу! Ладно, мне другое интересно, расскажи мне про лагерь, в котором вас содержали.

– Та чего рассказывать? Место даже на карте точно не покажу, но ехать отсюда минут тридцать-сорок, но к расстоянию это не привяжешь, так как последние минут двадцать сюда по разбитой колее, а до того по дороге и быстро.

– Положим, про место мне немцы сами с удовольствием расскажут, кстати, не похоже, что они из охраны лагеря.

– Эти нет, они нас из него утром забирали, а вечером опять сдавали. Таких групп, как наша, несколько. Попасть на работу за счастье, кормят здесь хоть и скудно, но из солдатского котла, а в лагере, почитай, совсем жрать не дают. Так иногда гнилье какое полувареное. Иногда местные чего перебросят через забор, что немцы для выкупа не возьмут, так из-за этого такие драки бывают.

– Что за выкуп?

– Ну, бабы местные приходят, приносят яйца, молоко, пирожки какие и выменивают пленных – говорят, сын или внук, немцы небось не верят, но отпускают, только требуют, чтобы те на учет вставали. Много не отпускают, два-три, максимум пять человек в день, им жратвы хватает.

– А что тут вчера было?

– Вы про расстрел? Так все просто – за побег одного расстреливают пятерых.

– В лагере немцы беспредел не начнут из-за вас? Не только побег же, но и охране каюк.

– Не знаю, там и так беспредел, что хотят, то и творят, могут просто так пристрелить. Не думайте, товарищ командир, если даже что и будет, вины вашей тут нет – кого не убьют, тот сам скоро от голода сдохнет. Я всего две недели в плену, а уже еле ноги таскаю. Лагерь считается пересылочным, если дальше кого отправят, тот, может, и выживет, но, поглядев на фашистские порядки, скажу, больше я в плен не дамся.

– Людей в лагере сколько? Охрана какая?

– Людей когда как, если долго пополнение не приходит, а фашист зверствует дюже, то человек сто пятьдесят остается, а в основном сотни под две. Охраны человек двадцать, четыре пулемета на вышке да два на входе. Половина с автоматами. Хрен дернешься.

– Строения какие?

– Да там всего пара домов – фрицы в них сидят, а мы под небом голубым да за тремя рядами колючки, вот и все наши укрытия. Хотели ямы какие вырыть, фашисты не дали. Дожди пойдут – будет большое кладбище.

– Из инструмента у вас здесь что есть?

– Лопат с десятков, ломов да кирок столько же, две пилы да кувалд четыре штуки. Вот и все.

– Это очень хорошо – в старый лагерь мы не возвращаемся, как приедем на новое место, надо будет срочно землянки рыть.

– Так мы не пехом? Ну вы, товарищ командир, рисковый.

– Я не девка, нечего меня комплиментами в краску вгонять.

* * *

Самое опасное место для нас – перекресток с шоссе. Хотя пополнение и утверждало, что поста там ни разу не было, но сведения, что на дороге встречались заставы фельджандармерии, меня здорово беспокоили. Двигаться решили с передовым охранением в виде цундаппа, меня, сержанта с пулеметом и Егоршина, которому я отдал пистолет в придачу к винтовке. Автомат мог стать весомым аргументом, потому сам сел сзади. «Крупп» двигался в ста метрах позади, а его подпирал «БМВ» с еще тремя бойцами – тут мудрить не стали, они так всегда путешествовали. Весь наш арсенал находился в кузове и мог быть применен в любой момент. Прорвемся мы практически в любом случае, если, конечно, не встретимся с каким-нибудь маршевым батальоном, да и тогда скорее всего удерем, правда, не все. Но очень не хочется след оставлять.

Подъехав к дороге, удивился малой интенсивности движения, по соседней трассе немцев сновало на порядок больше. Я имею в виду именно порядок десятичного числа, а не, как все мои знакомые, двоичного. Устал я с ними бороться, вроде люди с высшим, иногда не законченным, образованием, но хоть кол на голове теши. Один, помню, вообще заявил, типа цена чего-то там упала на порядок с тысячи рублей до девятисот пятидесяти. Нет, в чем-то он, конечно, прав, у меня даже аргументов не нашлось. Что странно – знакомых тела моего носителя я уже воспринимаю как своих. Боюсь представить, что дальше будет. Хорошо еще, с Зелински до того не доходит. Впрочем, это все опять же лирика, которая к нашей задаче по успешной ретирade отношения не имеет. Бросок через перекресток удался на все сто. Дальше было проще. Ввиду Залесья проследовали тихо, без шума и пыли, и через пять минут подкатили к лесопилке. Еще десять минут ушло на заготовку, укладку на обочину и уборку слег и лапника, зато место нашего съезда с дороги теперь разве что Дерсу Узала определит. Гать тоже особых проблем не принесла, и вот мы у врат Мадрида, в смысле, на острове Безымянный. Проскочили. Тот, кто утверждает, что ни один план не выдерживает столкновения с действительностью, либо не умел составлять нормальные планы, либо страдал лишними усложнениями планирования.

Рыть землянки было уже поздно, придется ночевать под открытым небом, благо что костры жечь можно относительно безопасно, правда, маленькие и неяркие. Пока суть да дело, решил выяснить, на что в общевойсковом смысле можем рассчитывать с новым пополнением, для чего устроил блиц-опрос оного. Ну что можно сказать? Как и ожидалось, больше половины составили подданные царицы полей, послушники бога войны, если зенитчика к ним тоже отнести, присутствовали в количестве трех штук – минометчик и наводчик ПТО. Остальные по мелочи – два кавалериста, санитар и водитель бронеповозки с номером двадцать шесть, после соответствующей буквы, относящей ту к гордой породе танков. В империалистическую был бы грозный агрегат, да и узкоглазых сынов Аматерасу мог впечатлить, а вот немецкие «панцеры» как-то не очень его жаловали. С этим водителем и случилась главная закавыка вечера. Началось с того, что кроме специализации своих новых бойцов интересовался и их званиями. Кроме Матвеева, нашлось еще два сержанта да один младший, вот тут бронеходчик и подошел. Какова была степень моего опупения, когда этот пацан заявил, что является лейтенантом, рассказывать не буду.

– И как вас угораздило?

– Выпуск в этом году был ускоренный, на место службы я прибыл девятнадцатого июня, представился в штабе двадцать второй танковой дивизии. Двадцатого принял взвод «Т-26». Двадцать третьего от взвода не осталось ни одного танка. Дальше отступление. Уже под Полоцком немцы обнаружили нашу группу в лесу и взяли в плен.

– А форму когда сменил и документы уничтожил?

– Там в лесу и поменялся с убитым красноармейцем. Но форму, документы и личный «ТТ» я спрятал. Патронов все равно не было.

Ну да, судя по заминке, патроны были, но светить пистолетом ему не хотелось, но я не судья – каждый выживает, как умеет. Как бы то ни было, проблему надо решать.

– Значит, так, товарищ красноармеец, лейтенанта я перед собой не вижу, а потому вопрос этот буду решать, когда увижу. Все ясно?

– Так точно, товарищ командир отряда.

– Свободны.

На лице этого еще не совсем лейтенанта заметил облегчение. Ага, он облегчился, а я должен теперь голову ломать, чего от него ждать. Ладно, это пока терпит.

– Командир, о чем думы тяжкие?

Жорка нарисовался, блин, не сотрешь.

– Есть у нас, сержант, теперь каждой твари минимум по паре, ну почти. Моряков с летчиками нет, но это к лучшему, но есть кое-кто, кого мне не хватает.

– И кого?

– А самого заваливающего сержанта НКВД.

– Свят-свят! Сплюнь, командир! Нельзя такое поминать всуе, особенно на закате. Ты его помянешь, а он как заявится! Зачем тебе ужас этот?

– Видишь пополнение? Вот оно меня и беспокоит.

– Думаешь, фашист кого к нам подослал?

– Думаю – пока нет. Сложно слишком для нас, убогих, да и конвоиров я допросил. По крайней мере приказов кого-то конкретно не расстреливать у них не было. Но думаю, эти не последние, а методики допросов у меня нет. Я бы и на опера какого из угрозыска согласился. Нет на примете? Вот и у меня... Чего хотел-то?

– Мы со старшиной харч прикидывали. Если консервы все в ход пустить, утром людей кое-как накормим, а дальше – труба.

– Консервы не трогать, это НЗ. Придется слегка поголодать. Новичкам хоть что-то надо будет дать, а сами прямо с утра за продовольствием и двинем. Есть у меня мысль, и я ее думаю.

* * *

Формы немецкой у нас хоть и прибавилось, спасибо уопленникам, что сейчас, с легкой руки старшины, кормят всякую болотную живность под Худобками, но было не так уж и много, потому второй мотоцикл решил не брать. Полицаев изображали четверо парней из нового пополнения, не самые худые, остальных брать не решился, ну не полицейские у них рожи, да и куда мне столько. Залесье – село большое, домов восемьдесят, но все равно не батальоном же туда идти, да и гражданки только на четверых. Повязки сделали из простой белой тряпки, даже писать ничего на них не стали. Ну кем может быть вооруженный мужик рядом с солдатом Вермахта? Правильно – сволочью! Стереотипы рулят.

В село вкатились со злыми мордами, еще бы – жрать-то хочется. Здесь мы тоже не первые. Как догадался? Да все по тому же отсутствию заливистого лая. Чего ж немчура так собачек не любит? Сбор жителей на площади занял не менее часа. Не очень-то они здесь запуганы, кое-кого пришлось даже прикладами подгонять. Этот трудный момент я с бойцами специально обговорил, научил нескольким самым ходовым немецким ругательствам, но строго приказал – будут ерепениться, пихать прикладом, только что не бить, если местные слабину почувствуют, весь план насмарку. Вроде бы все получилось – вон пара мужиков спину потирают да зубами скрепят. Эх, а все же хорошо, что пулеметы у нас, а не у них. Можно сказать, повезло. Пора речь толкать. Главное, чтобы «переводчик» мой не запутался, он хоть немецкий и знает, но до настоящего толмача ему как до Москвы задним ходом. Ничего, общую канву он выучил наизусть, а если что и напутает, даже при наличии местного знатока языков сойдет для сельской местности.

– ...и, наконец, господин унтер-офицер требует выдать бандитов, напавших на немецких солдат около хутора Худобки, а также выдать всех, им сочувствующих. Если этого не произойдет, то господин унтер-офицер прикажет расстрелять каждого пятого мужчину!

Какой бабы вой подняли, только бы парни мои выдержали. Нормально стоят, морды злые, желваками играют, держитесь, ребята, должна быть гнида, не может не быть на столько народа, да чтобы ни одной сволочи... Есть! Я этого хорька сразу приметил по взгляду бегающему. Мелкий, мордочка острая, глазки так и шмыгают, ну чистый хорек.

– Господин офицер, – как он из толпы быстро шмыгнул, будто боялся, что там, на месте, и убьют. – Господин офицер! Есть, есть сочувствующие! И бандиты они. В лес ходят, к бандитам. Вот этот, этот и этот.

Толмач мой что-то стал пытаться переводить, но я только отмахнулся – господин унтер-офицер не тупой, он и так все понял.

– Взять!

Трех мужиков быстро вытащили из толпы. Двое в летах, за сорок, один молодой, навскидку четвертак, не больше.

– Вот тот, Степан Глухов, господин офицер, бригадир колхозный, вот тот, Гришка Боровой, он в заготконторе главный, а этот, Герка, вообще комсомолец, подбивал в партизаны идти.

Я похлопал хорька по плечу и подтолкнул в сторону машины, где Жорка ненавязчиво взял его под наблюдение, махнул в сторону околицы, куда двое бойцов в немецкой форме погнали мужиков, а сам двинулся за ними.

– Разойдись!

Переводчик старается, командует, но половина народа остается на площади. Вот ведь блин, ничего не бояться. Ну, народ! Ладно, я с ними еще проведу политбеседу.

Дошли. Теперь надо в сторонку отойти, вот как раз тополь упавший, из деревни не видимый. Подошли, присел на ствол, достал пачку сигарет из кармана.

– Закуривайте, мужики. Разговор есть.

Крепкие селяне, однако. Или челюсти у них на скрытых подвязочках. Хорошо так отреагировали – сигареты взяли и ждут огонька. Хозяйственные, вот не поверю, что ни у одного спичек нет, ну ладно, мне бензина не жалко, да и кремень, чай, не сточится. Закурили. Молодой сразу закашлялся, гляди-ка – борец за здоровый образ жизни, молодец.

– Не буду ходить вокруг да около – мне нужны продукты, причем нужны вчера. Видите эти две фрицевские морды, знаете, почему такие злые? Потому что они с утра еще не жрамши и не знают, пожрут ли сегодня вообще. Короче, хотите, чтобы они были добрыми, – будьте добры. Да, еды мне нужно много и хорошей. Мы вчера тридцать душ из лагеря освободили, так их практически ветром качает. Им мясо нужно, ну и другие мои бойцы от него не откажутся.

Мужики переглянулись и задумались, а может, сделали вид, но я их не торопил. Через пару минут слово взял Боровой:

– Тут такое дело, нет ничего, склад заготконторы пустой, на совхозных тоже шаром покати – середина ж лета, только овощи какие поспели. Я прав, Степан?

– Прав. Огурцы там, да так чего еще по мелочи.

– Мужики, вы чего меня лечите? У вас здесь ведь центральная усадьба совхоза, там что, свинарник с коровником? Ну и где живность, по дворам растащили? Корма где, там же? Слушайте, хозяйственные вы мои, не злите. Я у вас лично вашего ничего не прошу, хотя другие отряду свое отдают. И бабы плачут – может, добро свое жалеют, а может, нас. Я им в душу не лезу, в карман причем тоже, все сами. Так что давайте мозги напрягите. И учтите – немцы с вами разговаривать не будут, выметут все под метелку. Хотите помочь доблестной германской армии?

– Ну нет, мы разве отказываемся, – опять вступил в разговор Степан. – Конечно, поможем. Нам бы только справку какую, отчитываться ж придется.

– Ох и ушлые вы. Перед кем отчитываться-то?

– Да хоть перед кем. Вот напишешь нам справку, что изъял совхозное стадо, мы, если что, ее хоть германцу, хоть советской власти покажем, с нас и спросу нет. А лучше две, одну германец отнимет, а мы вторую уже власти покажем, когда вернется.

– Видите, – обратился я к своим бойцам. – Он тоже считает, что наши вернутся, но на всякий случай готов их обьегорить.

– С чего это ты решил, что обмануть хочу? – взъерепенился Степан.

– А что, ты мне под эту справку все стадо отдашь?

– А тебе-то зачем, сразу его порежешь или пасти будешь? Тебе ж мясо нужно, и не один раз за ним придешь, иль ты залетный – отнимешь что и дальше побежишь?

– Не побегу. Пока. Там видно будет, но и на месте мне сидеть, сам понимаешь, нельзя – схомутают. У фашистов на нас уже зуб большой.

– Вот и я говорю – семь бед, один ответ. Справку пиши.

– Немцам на справку плевать, отберут что увидят.

– Чай не дурней паровоза, твои архаровцы много чего увидели? Может, стадо молочное где заприметили или хрюшек во дворе больше одной? Вот и оно. Ну заберут хавроний да курей, без этого никуда, если совсем ничего не дать, могут и пострелять, как собачек наших. Может, и с германца удастся справочку какую получить. Вот и окажемся мы со всех сторон ограблены, и взять с нас нечего.

– Ага, а потом найдется вот такая гнида, что сдала вас с потрохами, и болтаться вам на въезде в деревню, как особо хитрым.

– Так не без того – риск всегда есть. Вы с Петькой-то что делать будете?

– Это с хорьком этим? Да повесим, не пулю же на него тратить.

– Как-то это... – вступил в разговор молодой. – Нехорошо вроде... Вы его как-то вроде вынудили...

– Вынудили чего? Подлость совершить? Ну, ты даешь! Повеселил. Нехрен таким гадам землю топтать. Ты потом с бойцами, которых мы из плена вытянули, поговори. Они много тебе расскажут. Например, как такие же, вроде как свои, за пайку людей насмерть палками забивают. Не будет здесь пощады ни фашистам, ни такой сволочи! Как думаешь, знал он, что с тобой будет, когда пальцем тыкал? То-то же.

– Да, Герман, тут ты не прав, – это уже Степан вступил в разговор. – На смерть он нас отправил. Вот пусть сам и попробует, да и прочие поймут, что к чему.

– Герман, немец, что ли? – А это проявил рвение мой боец, и глаза его опасно сузились.

– Егоршин, отставить! Если даже и немец, национальность тут ни при чем. Вон мужики вопросом на вопрос отвечают – я же у них пейсы не ищу.

Шутка тут же разрядила атмосферу. Жорка аж фыркнул, ну одесситу не быть знакомым с такой манерой разговора невозможно.

– Нет, ты чего, – вступился за парня Глухов. – Наш он, только происхождение подкачал.

Оба мужика заржали, как лошади, а Герман густо покраснел.

– Да пошли вы, жеребцы, сколько лет уже, а все не надоест.

– Из буржуев, что ли? – это уже влез Георгий.

– Да из каких буржуев, – вытирая слезы с глаз, ответил Степан. – Хотя в общем-то как посмотреть. Мать его перед революцией в услужении у местного помещика была. Красивая молодая девка, вот она ему и глянулась. Короче, понесла она. Помещик был уже вдовый, пилить его было некому. Вот и дал он младенцу свою фамилию, а заодно имечко придумал. И стал у Пелагеи Скибы сын Герман Фефер.

Мужики опять заржали, да и у меня с бойцами проступили улыбки на лицах. У мужиков явно отходняк идет, считай, костлявая мимо прошла.

– Никак помещик оперу любил? – спросил я и, похоже, попал в точку.

– Угу, – Герман тоже слегка улыбнулся, видно, к шуткам таким уже притерпелся. – «Пиковую даму», мать говорит, наизусть знал и ее заставлял арии разучивать, а потом вместе петь. Вообще, все говорят, что неплохой человек был.

– Но не заладилась у Пелагеи жизнь буржуйская, – продолжил Степан. – В восемнадцатом барин пропал, и пришлось ей сына растить одной. Замуж так и не вышла, а баба до сих пор красивая. Эх!

Было что-то у Степана с Германовой матерью или не было, но тому хотелось бы, тоска какая-то застарелая. Но не мое это дело.

– Разговоры разговаривать, конечно, хорошо, но у меня люди не кормлены. Придумали чего?

– Да придумали, – махнул рукой Боровой. – Чего там думать, пошли.

– Погоди, еще один момент, – тормознул я селян. – А этот ваш хорек, он один жил?

– Да нет, с женой, – насторожился Глухов. – Ее тоже вешать будешь?

Посмотрев на разом потемневшие лица собеседников, поспешил оправдаться:

– Что я вам, зверь лютый? И в мыслях не было. Но вот выселить ее из деревни придется.

– Куда же ее выселять?

– А вот это мне по аккордеону, но вблизи моего отряда чтобы ее не было. Что у нее, совсем родственников нет?

– Да как сказать, сирота она. Сына в прошлом году посадили за воровство, а дочь давно уехала, да ни разу не приезжала и писем не писала. Шалава. В общем, некуда ей идти.

– А вот жалобить меня не надо. Ты готов поручиться, да не своей жизнью, а своих родных? Вижу, не готов. Да не жмитесь вы, сам я ей скажу, чтобы вещи собирала, вы как бы и ни при чем. Герман, останься, а вы идите, конвой проводит, делайте пока вид, что за страх работаете.

Фефер озабоченным взглядом проводил ушедших и подозрительно глянул на меня, не нравилось ему наше уединение. Ну что ж, правильно не нравилось.

– Герман, у меня возник вопрос, а почему вы так безропотно пошли на расстрел?

– А что мы сделать могли?

– Вот смотрю, ты тоже вопросом на вопрос отвечаешь, но не еврей – тот такую глупость не спросил бы. Ты, ну если постараться правильно осветить вопрос, практически фольксдойче. Отчество у тебя какое?

– Ну, Генрихович.

– Ты не нукай, а головой подумай.

– А чего думать, не вижу, что ли, к чему клоните, но к немцам я работать не пойду, я белорус, а не немец, даже языка почти не знаю.

– Не проблема, главное – по метрике все нормально, расовый тест пройдешь, как и я, лучше девяти чистокровных немцев из десятка. Рост, цвет волос, глаз, телосложение, форма черепа – родись ты с такими данными в Рейхе, уже в СС на офицерской должности был бы.

– Угу, они как только узнают, что я в комсомоле состою, да еще секретарем организации, так сразу к стенке.

– Если будешь скрывать, то могут. Кстати, а печать где?

Мой собеседник сразу напрягся. Все еще не доверяет? Но ответил правду:

– Спрятал.

– Отлично. Устроим тебе отчисление за пронемецкую пропаганду, а также клязу на тебя в НКВД. Да не дергайся, своим приказом по партизанскому отряду все оформлю. Вас сколько человек в ячейке было и где они?

– Четверо, – Герман опять глянул на меня с подозрением. – Где, не знаю, двоих призвали, а Машка с отцом, он директор совхоза, с нашими ушли.

– Просто замечательно. Вот Машка твоя на тебя кляузу напишет и протокол составит. Твоя задача – срочно у нее дома все подчистить, чтобы ни листка с ее почерком не осталось. Лет ей сколько?

– Двадцать. Она техникум в этом году закончила.

– В Белоруссии?

– Нет, в России, она сама с Урала, отца ее к нам только два года назад прислали. Теперь она к нему приехала, на работу не успела даже устроиться, только на учет к нам встала.

– Все просто бесподобно. Теперь надо бы найти кого с хорошим почерком, чтоб на женский был похож. Весь архив организации мне срочно, всю совхозную и сельсоветовскую документацию тоже.

– Так ни в сельсовете, ни в конторе совхоза ничего нет уже.

– Молодцы, но никаких тайников, ясно? Все уничтожить. Это приказ! Так своим заговорщикам и передай. Они тоже пусть готовятся помогать Великой Германии. Так, что ей тошно станет, но я с ними еще поговорю.

Когда мы вернулись на площадь, погрузка шла полным ходом. Хорек чуть испуганно косился на распоряжающихся Степана и Григория, но, похоже, еще ничего не понимал. Я отошел в сторону толмача и быстро разъяснил его задачу. Через минуту тот уже объявлял жене предателя, что за ложный донос ее муж арестован, а сама она должна в течение часа, собрав не больше одного узла вещей, покинуть село, если же она появится обратно или каким-либо образом обратит на себя внимание новых властей, то будет повешена. Баба ударилась в вой, но после напоминания, что времени у нее мало, споро помчалась в хату, даже не обратив внимания на разом побелевшего лицом мужа.

– Господин офицер... – бросился ко мне хорек, но тут же был сбит с ног и отбуккан парой бойцов, после чего остался лежать, что-то жалобно бормоча и рыдая.

Не прошло и получаса, как один из «полицаев» доложил, что баба, собрав огромный узел добра, покинула село. Сначала хотела запрячь лошадь, но ей не дали, и она попылила так, причем не намного медленнее, чем могла бы на телеге.

Еще через час мы тоже покидали Залесье, забив кузов продовольствием. По большей части зерном и овощами, но и свиная туша украшала этот натюрморт. Заодно присвоили часть совхозного кухонного хозяйства, в основном то, чем побрезговали селяне, но нам было в самый раз, например котлами. Котлы были огромные, в бытность свою в них готовили на сотню и более человек сразу. Более мелкая посуда нам тоже досталась, но ее пришлось выцарапывать у местных где уговорами, а где и руганью. Лично я увозил с собой несколько печатей, в том числе и комсомольскую. В селе остались озабоченные моими указаниями активисты, труп повешенного за околлицей предателя и ничего пока не понимающие селяне. Солнцу было еще долго подбираться к полудню, но, как бы ни сложилось дело дальше, понятно было, что и в этот день нам сопутствует удача. Тьфу, чтобы не сглазить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.